

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ  
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра мировых языков

**А.Г. Кузнецов**

**РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ:  
ЛЕКСИКА, МОРФОЛОГИЯ,  
ЗАИМСТВОВАНИЯ**

*Посвящается 20-летию КРСУ*

Бишкек 2013

УДК 80/81  
ББК 81. 2-7  
К 89

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *М.И. Лазариди*,  
зав. кафедрой языков изучаемых регионов КНУ  
им. Ж. Баласагына  
канд. полит. наук, доцент *Д.У. Анезова*

Рекомендовано к изданию НТС КРСУ

**Кузнецов А.Г.**

К 89 РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: лексика, морфология, заимствования. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2013. 106 с.

ISBN 978-9967-19-004-7

Монография посвящена одному из важных разделов языкознания – сопоставительной лингвистике и может быть использована в качестве учебного пособия для студентов старших курсов языковых вузов и факультетов.

Предназначено специалистам в области романской филологии, преподавателям, переводчикам, а также всем интересующимся вопросами языка и лингвистики.

На обложке воспроизведена картина  
Роберта Деловея «Солнечные диски», 1912–1913 гг.

К 4602000000-13

ISBN 978-9967-19-004-7

УДК 80/81

ББК 81. 2-7

© ГОУВПО КРСУ, 2013

© Кузнецов А.Г., 2013

# Глава I. РОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

## Лингвокультурологический аспект

Одним из способов развития языка и расширения его словарного запаса являются заимствования слов. Это – естественный процесс, и чем больше происходит контактов между странами и народами, тем активнее он протекает. Язык чутко реагирует и приспосабливается к усложняющимся формам общественной жизни. Рост технического прогресса, научные открытия, развитие культуры, искусства – все это требует появления новых понятий и, если их нет в родном языке, они заимствуются из языков других народов, более преуспевших в той или иной сфере человеческой деятельности. Таким образом, словарный запас языка постоянно пополняется. Известны несколько причин заимствования иноязычной лексики. Наряду с отсутствием соответствующего понятия в своем языке, можно также отметить потребность выразить при помощи заимствованного слова одно из многозначных понятий, желание пополнить выразительные средства языка, внести в речь колорит той или иной страны, эпохи и т. д. Нередко обращение к иноязычной лексике приносится в дар моде, что нередко встречается в журналистской практике. Таковы, например, модные словечки из лексикона прессы, телевидения и выступлений политиков: «бренд», «контент», «омбудсмен», «спикер», «харизматичный» «гламурный» и др.

В силу этих факторов, в русскую речь вошли тысячи слов из самых разных языков мира – греческого, латинского, санскрита, французского, немецкого, английского, итальянского, а также из тюркских, угро-финских, славянских и многих других языков. И их количество увеличивается с каждым годом; свидетельство тому – все возрастающие по объему словари иностранных слов. Начиная с эпохи Ивана Грозного и, особенно, после петровских реформ, русский язык наиболее интенсивно обогащался за счет французских и немецких заимствований. Именно эти языки стали преподаваться в гимназиях и вузах России, ими владела просвещенная часть общества. Благодаря культурным связям в об-

ласти искусства (архитектура, музыка, живопись, театр) русский вокабуляр пополнился многими словами итальянского происхождения. В XX веке, особенно в последние десятилетия, явным лидером по внедрению своей лексики в русскую речь стал английский язык.

Однако наиболее значительный вклад в пополнение русского словаря новыми заимствованиями внесли романские языки, основой которых была латынь – язык племени латинов, населявших некогда древний Лациум, расположенный в западной части средней Италии. Латинский язык относится к итальянской группе индоевропейской семьи языков. Он сформировался под большим воздействием греческого и этрусского языков, а также языков других народов, населявших в ту пору Апеннинский полуостров. Классический латинский язык сформировался в первом веке до нашей эры. Присоединение к Риму новых областей привело к распространению этого языка на завоеванных территориях и постепенному вытеснению местных языков. Хронология завоеваний была такова: Италия – III в. до н. э., Иберия, Лузитания – II до н. э., Галлия – I до н. э., Реция – I в. н. э. – Дакия – II в. н. э. Смешиваясь с языками покоренных народов, народная или, как ее называли, «вульгарная» латынь послужила базой для образования новых европейских языков.

После падения Рима (476 г. н. э.) латинский язык продолжал существовать как в самой Италии, так и во многих романизированных областях. Однако единой латыни уже не было, а в каждой из бывших областей – Галлии, Иберии, Лузитании и др. – существовала своя разновидность языка. Именно тогда словом «романская» стали обозначать народную речь, отличавшуюся от классической латыни и местных диалектов. Таким образом, сформировалось более десяти языков – итальянский, сардинский, провансальский (окситанский), каталанский, испанский, галисийский, португальский, французский, далматинский (вымер в XIX веке), ретороманский, ладинский, румынский и др. Все они были своего рода продолжением народной латыни, распространенной на территориях бывшей Римской Империи. Определенное воздействие на формирование романских языков оказали языки за-

воевателей – остготов, вестготов, франков, лангобардов, арабов, а также языки соседних народов. Так, в румынском языке заметно ощущается присутствие славянского элемента.

Параллельно с процессом становления и развития романских языков продолжал существовать литературный латинский язык. Он использовался как язык католической церкви, науки, философии, литературы. На нем писались официальные документы, велось преподавание в университетах.

Первые письменные памятники на романских языках были зафиксированы в IX–X веках (Франция, Италия, Испания), а впоследствии и на других языках. Этот процесс продолжался вплоть до XVI века, когда были созданы первые памятники на румынском языке. Первые же национальные языки – французский, испанский – сформировались в XVI–XVII веках. Созданию литературных языков во многом способствовала деятельность выдающихся писателей и поэтов: в Италии – Данте, Петрарки, Боккаччо, в Испании – Сервантеса, в Португалии – Камоэнса, во Франции – Вийона, Рабле, Ростана, в Румынии – М. Эминеску, В. Александри.

Роль латинского языка в создании семьи романских языков трудно переоценить. «В истории европейского языка и литературы, – писал И.М. Тронский, – латинский язык сыграл огромную роль в качестве стилистического образца и как источник лексического обогащения, особенно в связи с потребностью постоянного пополнения политической, научной и технической терминологии» [1].

Романские заимствования составляют ныне значительный пласт словарного запаса русского языка. Лидирует в нем, безусловно, французский язык. Далее следуют итальянский, испанский, португальский, румынский, окситанский (провансальский) и каталанский языки. Заимствования из других языков романской группы – галисийского, сардинского и ретороманского – нами не зафиксированы.

Языковые заимствования можно классифицировать по различным признакам: по происхождению, способу и давности заимствования, по семантическим особенностям, по сохранению

или изменению заимствованного слова в языке-реципиенте и т. д. Поскольку основным принципом нашего исследования стал историко-культурологический аспект, мы отдали предпочтение классификации по происхождению и давности заимствования, т. е. хронологическому порядку, дополняя его, по мере необходимости, другими видами классификации и отдельными деталями.

### 1.1. Французский язык

Французская лексика, вошедшая в русскую речь за последние три-четыре столетия и составляющая ныне ее важную и неотъемлемую часть, занимает первое место среди романских языков как по объему, так и по разнообразию значений и сфер употребления. По нашим подсчетам, количество галлицизмов в русском языке приближается к полутора тысячам, а со словами-дериватами, возникшими от французских корней уже по нормам русского словообразования, значительно больше.

Базовую основу французского языка составляют слова латинского происхождения, дополненные галльско-кельтской лексикой (около 180 лексических единиц) и словами франкского диалекта. К галльско-кельтским элементам, перешедшим затем и в русский язык можно отнести: *druides*, *druidisme* (друиды, друидизм), *crème* (крем), а к франкским – *blanc* (бланк, досл. «белый») и *blond* (блондин), а также производные от *blanc* – *blanchir* (бланшировать, отбеливать) и *carte-blanche* (карт-бланш).

Французские слова в русской речи обнаруживают себя необычным звучанием, что, прежде всего, связано с особенностями французской фонетики. Чаще всего их можно узнать по суффиксам: -age (*garage* – *гараж*), -ateur (*dessinateur* – *дизайнер*), -et (*bouquet* – *букет*), -oir (*reignoir* – *пеньюар*), -ard (*clochard* – *клошар*, *нищий*), -on (*garçon* – *гарсон*), -ade (*promenade* – *променада*), -ier (*atelier* – *ателье*), -ure (*ouverture* – *увертюра*), -eau (*tableau* – *табло*) -ette (*épaulette* – *эполеты*), -ence (*preference* – *преферанс*) и др.

Возможно, самым первым французским заимствованием стало слово «шапка», образованное от старофранцузского *chape* еще во времена Анны Ярославны (XI век), дочери киевского князя

Ярослава Мудрого, ставшей впоследствии королевой Франции. И хотя Макс Фасмер подвергает сомнению эту версию, слово «шапка» упоминается в «Духовной грамоте» Ивана Калиты (1327–1328). По его же мнению, это слово было заимствовано из средневерхненемецкого *schapël* от старофранцузского *chapel*, *chape*, которое восходит к латинскому *capra* [2].

Однако до XVII века контакты между Россией и Францией носили эпизодический характер. Первая официальная переписка между главами государств началась в 1518 году, когда царь Василий Иоаннович обратился к королю Франциску I с просьбой о помощи при разрешении конфликта с Польшей. В эпоху Бориса Годунова русские студенты стали учиться в университетах Франции, а в 1615 году состоялся обмен посольствами.

К этому периоду относится и появление в русском лексиконе слова «канитель» (франц. *cannetille*) – золотая или серебряная нить, либо проволока, свитая из таких нитей. Это слово впервые упоминается при описании одежды Бориса Годунова (1589). Позже заимствование приобрело второе, переносное значение – *хлопоты, волокита*.

В 1668 году состоялся первый визит русского посольства, возглавляемого князем П. Потемкиным в Париж, а четыре года спустя в России открылся первый придворный театр, в котором в числе прочих ставились и пьесы Корнеля, Мольера, Расина. В целом же в XVII веке русский лексикон пополнился совсем незначительным количеством слов романского происхождения, причем заимствования осуществлялись чаще всего через посредство польского или немецкого языка. Среди французских заимствований можно отметить лишь некоторые военные и театральные термины – *мушкет, мушкетер, алебардник, сцена, перспектива*.

Новая эпоха в отношениях с европейскими государствами настала в годы правления Петра Первого, период коренного преобразования России во всех ее сферах – от государственного и социального обустройства до науки, культуры и искусства. Преобразовательская деятельность Петра явилась также своеобразной предпосылкой к реформе литературного языка. Используемый до этого церковнославянский язык уже не соответствовал требова-

ниям нового светского общества. Немаловажное влияние на язык оказало проникновение в русскую речь целого ряда иностранных слов, преимущественно военных и экономических терминов, новых понятий в морском деле, науке и технике, искусстве, бытовая лексика. Именно тогда в русский язык вошли и прочно закрепились в нем заимствованные французские слова *амуниция, армия, кавалерия, мундир, баталия, пистолет, бригада, брешь, флот, порт, трофей, акт, ассамблея, этикет, кавалер, дама, регламент, камзол, косметика, вакансия, аренда, тариф, курьер, конверт, кошениль, дюжина, табакерка, бильярд, бутылка, шампанское, конфуз, дебош* и многие другие. Целый ряд слов французского происхождения можно встретить в «Морском уставе», лично составленном Петром I в 1720 году.

И тем не менее, царь весьма ревностно относился к чистоте русского языка и требовал от своих сограждан писать, не злоупотребляя иноязычными словами. Так, в своем послании послу Рудаковскому он писал: “В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради тебе впредь реляции свои к нам писать всё российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов” [3]. Единодушны с Петром были многие русские писатели, ученые, представители художественной элиты XVIII века – М. Ломоносов, Д. Фонвизин, Н. Карамзин, И. Крылов.

Мода на французский как на язык политики, литературы и философии началась в Европе с эпохи Людовика XIV и дошла до России в петровские времена. Однако интерес русских к французскому языку, литературе, культуре был обусловлен не только веяниями моды, но тем, что в то время он был наиболее богатым и стилистически развитым языком Европы. Это был язык великих просветителей – Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье. Русские стали учить французский язык и для того, чтобы читать в оригинале сочинения этих авторов, не дожидаясь появления переводов. К тому же, литературы на русском языке в ту пору печаталось крайне мало. Хорошее знание французского стало нормой для образованных людей того времени: «Он по-французски совершенно



мог изъясняться и писал...», – читаем мы у Пушкина [4]. Прочно вошло в русский лексикон и само слово «мода», породившее целую серию слов-дериватов: *модный, модно, модница, модник, модничать, модничанье, модненький*.

Культ французского стал процветать в эпоху правления Елизаветы Петровны. В Россию все чаще стали приглашать выдающихся французских художников, скульпторов, архитекторов, а русский лексикон пополнился новыми заимствованиями: *визитка, пудра, манжеты, парик, лимонад, променад, кадриль, каданс*.

Новая волна интереса ко всему французскому прокатилась по России в годы царствования Екатерины II. Известно, что русская императрица вела активную переписку с Вольтером, Дидро, Даламбером, Гримом, что тоже способствовало усилению интереса к Франции. Французские слова все чаще и чаще звучали в русской речи как устной, так и письменной. Не в малой степени содействовали этому всё возрастающие политические и общественные связи между странами. Вскоре французский язык становится официальным языком придворно-аристократических кругов, языком светских дворянских салонов. К заимствованиям того времени можно отнести наименования предметов быта, одежды, продуктов питания: *бюро, будуар, витраж, кушетка; ботинок, вуаль, гардероб, жилет, пальто, кашне, кастрюля, бульон, винегрет, желе, мармелад*; слова из области искусства: *актер, антрепренер, афиша, балет, жонглер, режиссёр, каденция*; термины из военного лексикона: *батальон, гарнизон, эскадра*; общественно-политические термины: *буржуа, деклассированный, деморализация, департамент* и др.

Многие состоятельные русские стали приглашать для своих детей гувернёров-французов, а вскоре французский и немецкий языки ввели в число обязательных учебных дисциплин российских гимназий, преподавателями которых, как правило, были носители языка. Знание иностранных языков позволяло молодым людям продолжать образование в учебных заведениях Европы, например, в парижской Сорбонне. Стало модным чтение французских романов – читали сочинения Рабле, Кребийона-сына, Флореана, Лесажа, Прево, Мариво, Вольтера, Дидро («Монахи-

ня», «Племянник Рамо»), Руссо, Бомарше, Шодерло де Локло, Ж. де Сталь.

В конце XVIII века во Францию устремились русские путешественники, среди которых были известные писатели, художники, музыканты. Многие из них вели путевые дневники, слали на родину письма с описаниями своих впечатлений. Два замечательных описания своих путешествий оставили Д. Фонвизин (письма) и Н. Карамзин (очерк «Письма русского путешественника»). За ними последовали П. Вяземский, А. Тургенев, Е. Баратынский, В. Боткин, А. Герцен, В. Огарев и другие. Чем же привлекала Франция русских? На этот вопрос можно ответить словами Гоголя, многие годы прожившего за границей – в Италии, Франции и других странах Европы. Вот как он характеризует Париж в своей неоконченной повести «Рим» (1842):

«...Париж, это вечное волнующееся жерло, водомет, мечущий искры новостей, просвещения, мод, изысканного вкуса и мелких, но сильных законов, от которых не властны оторваться и сами порицатели их, мастерство, художество и всякий талант, скрытый в невиданных углах Европы» [5].

В 1835 году в Париже побывал писатель и критик В.П. Боткин. Свои впечатления от поездки он передал в очерке «Русский в Париже» [6]. Очерк не изобилует французскими заимствованиями, но, тем не менее, они встречаются, представляя собой все три типа иноязычных слов: собственно заимствования, экзотическую лексику и вкрапления. Примечательно, что одни из них автор дает во французской транскрипции (*messieurs, mesdames, à jour* – ажурный), другие – в русской (*бульвар, бал, магазин, ма-ска, парик, гризетка, водевиль, романс, сюртук, кабинет, журнал, кабриолет, актриса, революция, гильотина, трибуна*). Многие из этих слов отражают реалии французской жизни – к тому времени они уже входили в русский лексикон. Можно заметить, что от существительных «пудра» и «фанфарон» образовались уже русские слова-дериваты – прилагательное «напудренный» и глагол «фанфаронить».

В Париже свободно владевший французским языком Боткин был принят в литературном салоне мадам Виржинии Ансело,

посетителями которого в разные годы являлись известные писатели, критики, политические деятели, художники, музыканты: А. Ламартин, Ф. Шатобриан, А. Стендаль, П. Мериме, В. Гюго, Э. Делакруа, Д. Мейербер. Посещали салон и русские литераторы – В. Жуковский, П. Вяземский, С. Соболевский, Я. Толстой. Все это способствовало сближению культур, следствием чего стало обогащение русского языка новыми понятиями из самых разных сфер жизни.

Впрочем, салоны, и не только литературные, существовали и в самой России. Один из таких салонов, в котором «собиралась вся интеллигенция Петербурга» – салон Анны Павловны Шерер – описывает в своем романе «Война и мир» Л.Н. Толстой. Его посетители общаются меж собой, перемежая французскую речь с русской, и в аристократической гостиной скорее витает дух Франции, чем России. Естественно, повествование ведется на русском языке и французских заимствований в нем совсем немного – они нужны автору лишь для «антуража», характеризующего как самих персонажей, их общество, так и реалии той эпохи. Это: *виконт, роялист, якобинец, интрига, кокетство, гримаса, бриллиант, фрак, жабо, панталоны, ридикюль, лорнет, анекдот*. «Со времен Карамзина у высшего дворянского круга обнаружилось стремление к сближению среднего стиля с западноевропейской, чаще всего французской, системой лексики, фразеологии и повествовательного синтаксиса, а также с семасиологией французского языка», – отмечал В.В. Виноградов [7].

Лев Толстой работал над романом в 1863–1869 годах, но действие в описываемой сцене происходит в 1805 году. В то время в русском языке было уже немало слов французского происхождения, но некоторые понятия только еще входили в повседневный обиход. Одно из них – слово «грипп». Вот, что пишет по этому поводу сам писатель на страницах романа: «...у нее был *грипп*, как она говорила (*грипп* был тогда новое слово, употреблялось только редкими)» [8].

Противодействовать проникновению в русский язык излишнего количества иностранных слов пытались многие писатели и поэты начала XIX века. Одним из них был Пушкин. Воспитан-

ный с детства на французской культуре, он, тем не менее, оставался ревностным защитником родной речи. «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности, – писал Пушкин. – Грубость и простота более ему пристали» [9]. Но порой и самому поэту приходилось обращаться к заимствованным словам, поскольку в иных случаях они были просто необходимы:

Я мог бы пред ученым светом  
Здесь описать его наряд;  
Конечно это б было смело,  
Описывать моё же дело:  
Но *панталоны, фрак, жилет*:  
Всех этих слов на русском нет... [4].

Новые слова были нужны для обозначения новых понятий, связанных с политикой, наукой, культурой, искусством, вплоть до бытовых сторон жизни современной поэту Европы, признанным лидером которой была Франция. Появилось масса всевозможных вещей и предметов, неизвестных доселе в России. Они привозились из Франции, а вместе с ними следовали и их названия. Приведем еще один фрагмент из поэтического наследия Пушкина – поэмы «Граф Нулин», в котором налицо уже целый «букет» разного рода французских заимствований:

Граф Нулин из чужих краев,  
Где промотал он в вихре *моды*  
Свои грядущие доходы,  
Себя казать, как чудный зверь,  
В Петрополь едет он теперь  
С запасом *фраков и жилетов*,  
Шляп, вееров, плащей, *корсетов*,  
Булавок, запонок, *лорнетов*,  
Цветных платков, чулков *à jour*,  
Ужасной книжкой Гизота,  
С *романом* новым Вальтер-Скотта,

С *bons-mots* парижского двора,  
С последней песней Беранжера,  
С мотивами Россини, Пера,  
*Et cetera, et cetera* [4].

Единомышленником Пушкина в борьбе с засильем иноязычной лексики был его современник князь П.А. Вяземский. В стихотворении «Синонимы: гостиная, салон», поэт противопоставляет французскому «салону» русское слово «гостиная», отмечая при этом их национальную, социальную и стилистическую окраску:

*Синонимы: гостиная, салон.*  
Недоумением напрасно ты смущен  
*Гостиная* – одно, другое есть *салон*.  
*Гостиную* найдешь в порядочном трактире,  
*Гостиную* найдешь и на твоей квартире,  
*Салоны* ж созданы для избранных людей... [10].

Говоря о салонах и о той странной смеси «французского и нижегородского», часто звучавшей в их стенах, можно вспомнить шуточное стихотворение М.Ю. Лермонтова, «А.А. Углицкой» (1841), написанное в макароническом стиле, в котором русские слова перемежаются с французскими и немецкими вкраплениями:

Ma chère Alexandrine,  
Просите, же ву при,  
За мой армейский чин  
Всё, что je vous écris.

Меж тем, же ву засюр,  
Ich wünsche счастья вам,  
Surtout beaucoup d'amour,  
Quand vous serez *Мадам* [11].

Вст возрастающему влиянию французского языка на русскую речь способствовали тесные контакты между двумя народами.

Многие представители русской интеллигенции не только посещали Францию, но и подолгу жили в ней – работали, учились, выезжали на отдых и лечение. Здесь же проходили стажировку многие русские художники. Более двадцати лет прожил во Франции живописец А. Боголюбов. В его парижской квартире постоянно останавливались стипендиаты Академии художеств России – Репин, Поленов, Савицкий, Верещагин, Антокольский и др. В 1878 году он основал «Кружок русских художников», проводил вечера, на которых присутствовали и выступали многие известные русские писатели, музыканты, певцы.

Долгие годы провел во Франции и Тургенев. О его пребывании в революционном Париже 1948 года повествуется в дневниковых записях журналиста П.А. Васильчикова (1853–1854), в которых русский писатель предстает не просто как наблюдатель-художник, но и как невольный участник событий. В его записях нередко встречаются уже вошедшие в русский вокабулярный слова французского происхождения. Одни из них связаны с революционной тематикой: *революция, баррикада, кавалерия, жандарм, трофей, буржуа, блузники, блуза, реформа*, другие относятся к бытовой лексике: *бульвар, дилижанс, экипаж, брошюра*. Некоторые слова, по-видимому, еще не закрепившиеся в русском лексиконе и представляющие собой французские вкрапления, автор дает в оригинальной транскрипции: *barrière, magasin, revue* (барьер, таможня; магазин; ревью) [12].

Более интересным в этом отношении, на наш взгляд, представляется дневник П.И. Чайковского, который композитор вел в 1886 году во время своей поездки по Франции (Марсель, Париж). Французская лексика в нем представлена более широко, причем одни слова, как и у Боткина, даны в русском правописании (*отель, ресторан, кофе, коньяк, шампанское, сигара, лейтенант, комиссионер, буржуа, капризный, карусель, терраса, пассаж, экипаж, омнибус, шарлатанство, пьеса, куафюра, фланнировать*), другие, экзотизмы и вкрапления, – во французском (*paysage, commandant, courses, café, coupe, table d'hôte, tatan, para, varietes, baron, absynthe*). Но есть еще третья группа слов, которые автор приводит то в русской транскрипции, то во фран-

пузской: *fiacre* – фиакр, *Café Chantant* – кафешантан, *Champs Elisées* – Елисейские поля [13]. По-видимому, эти слова только еще входили в русский лексикон.

Русский словарь продолжал активно пополняться французской лексикой вплоть до революции 1917 года. Затем этот процесс заметно замедлился, уступив место другим языкам, в частности английскому. В настоящее время общий объем слов французского происхождения в русском языке весьма высок и уступает лишь латинским и греческим заимствованиям. И первое место здесь принадлежит лексике, относящейся к области искусства: *театр, балет, музыка, живопись, графика, скульптура, архитектура, прикладные виды искусства, кинематограф*. Это вполне объяснимо – в течение многих веков, начиная с эпохи Людовика XIV, Франция лидировала в этой сфере, а Париж слыл культурной столицей мира. Конечно, кое в чем Франция уступала Италии и Германии, но в целом ее вклад в мировое искусство, культуру был огромен.

Вот, к примеру, далеко не полный список французских заимствований, связанных с театральной тематикой: *актёр, актриса, афиша, репертуар, сезон, спектакль, пьеса, сюжет, мизансцена, бенефис, анонс, премьера, ангажемент, ампуа, героиня, резонёр, инженио, травести, антрепренер, режиссёр, суфлёр, конферансье, дебют, грим, водевиль, антракт, турне, рампа, ложа, бенуар, бельэтаж, партер, кулиса, жест, фарс, реплика, диалог, клака, декорация, декоратор, полишинель, аплодисменты, бис*.

Следует заметить, что во французском языке слово *pièce* (пьеса) – многозначное, но в русский язык оно вошло только в одном значении как литературное произведение, предназначенное для театральной постановки. Французское же *pièce*, впрочем, как и испанское *pieza* и итальянское *pezzo*, имеют не менее десяти значений: *кусок, штука, часть, деталь, пьеса, произведение, орудие, монета* и др.

Столь же внушителен и объем заимствований по изобразительному искусству: *галерея, вернисаж, ракурс, контур, нюанс, гравюра, офорт, эстамп, гуашь, сангвина, пастель, этюд, портрет, пейзаж, натюрморт, пленэр, палитра, рельеф, декор, жанр, шарж, коллаж, витраж, инкрустация, мозаика, диорама, панно,*

*барельеф, бюст, статуэтка*; музыке: ансамбль, аккорд, тембр, туше, мадригал, дивертисмент, ноктюрн, вальс, марш, дирижер, шансонье, клавесин, рояль, тамбурин, кларнет, саксофон, корнет-а-пистон, аккордеон, вокал, поппурри, мажор, ритурнель, диссонанс, консонанс, карильон, арабеска, куплет, тамбурмажор, романс, мюзет; хореографии: аллеманда, бурре, гавот, менуэт, экосез, контрданс, ригодон, жига, полонез, кадрили, па-де-де, па-де-катр, канкан, пируэт, антраша, антре, фуэте, батман, жете, кабриоль и многие другие.

А это – названия направлений и стилей в литературе и искусстве: барокко, рококо, ренессанс, импрессионизм, пуантилизм, сентиментализм, романтизм, натурализм, декаданс, символизм, акмеизм, фовизм, дадаизм, кубизм, арт-деко, шинуазри, сюрреализм, модерн. И литературных терминов: поэт, поэтесса, драматург, беллетристика, шедевр (*chef d'œuvre* – мастер дела), типаж, гротеск, бурлеск, буриме, триолет, катрен, куртуазная (литература), труверы, каламбур, мемуары, пастиш, роман, букенист, брошюра, дифирамб. Об успехах французского зодчества свидетельствуют архитектурные и строительные термины: антаблемент, фриз, плафон, капитель, каннелюра, картуш, контрфорс, аркбутан, консоль, пандус, импост, траверса, навильон, пале, шале, терраса, салон, кабинет, будуар, дортуар, интерьер.

Любой интерьер невозможно представить без мебели, и тут тон снова задают французы: бюро, буфет, сервант, шифоньер, шезлонг, трюмо, трельяж, пуф, комод, секретер, диван, софа, оттоманка, этажерка, кушетка, канапе, да еще табуретка, точнее, табурет (хотя трудно поверить, что это не русское слово). И без светильников: канделябр, бра, люстра, торшер, плафон, абажур и не менее важных аксессуаров санузла: туалет, душ, писсуар, биде. Украсят же интерьер цветы: бегония, бульденеж, жасмин, камелия, магнолия, резеда, иммортель, флёрдоранж.

Франция всегда была законодательницей моды в мире. Ей она остается и сейчас – достаточно лишь вспомнить имена выдающихся стилистов Габриель Шанель, Кристиана Диора, Нины Ричи, Тьерри Мюгле. Поэтому список заимствованных французских слов, связанных с модой и одеждой, один из самых боль-



ших: *мода, фасон, модель, модельер, кутюрье, дефиле, ателье, манекен, пальто, манто, костюм, сюртук, трен, капот, салон, тужурка, блуза, трико, пеньюар, дезабилье, неглиже, кашине, ливрея, вуаль, шантеклер, шаль, гетры, камзол, жабо, декольте, турнюр, редингот, жилет, корсаж, кринолин, корсет, шинель, комбинезон, тужурка, бурнус, аксессуар, жакет, клёш, салон, плюмаж, плиссе, гофре, помпон, рюш, канва, бретель, манжета.* К ним можно прибавить названия головных уборов и обуви: *берет, кепи, канотье, панама, шапокляк, тюрбан; ботинки, ботфорты, галоши (калоши), сабо.*

Не менее впечатляет и перечень тканей. Похоже, что чуть ли не все ткани, продаваемые некогда в России, ввозились из Франции, пока не было налажено их производство на месте: *габардин, кашемир, велюр, бархат, плюш, крепдешин (crêpe de Chine – креп из Китая), жоржет, муслин, поплин, батист, ажур, тюль, муар, репс, саржа, марокен, маркизет, шифон, демикотон, тафта, ратин, букле, мадаполам, диагональ.*

Одежду и обувь, естественно, дополняли прически, и тут французы опять оставались на высоте, а русский словарь пополнился целым рядом новых слов: *куафёр, парик, букли, шиньон, шевелюра, кок, папильотка, брюнет, блондин, шатен, плоить, плоечные щипцы.* Касаясь внешнего вида человека, невозможно умолчать о способах ухода за телом: *массаж, макияж, маникюр, педикюр; о косметике, парфюмерии* (тоже французские слова): *парфюм, одеколон (eau de Cologne – кёльнская вода), шампунь, лосьон, пудра, крем, вазелин, вежсталь, бриллиантин.* И ювелирных изделиях: *брошь, браслет, брелок, кулон, колье, фермуар, бижутерия.*

Искусство французских кулинаров и виноделов издавна пользовалось всемирной славой. Поэтому не удивительно, что в современном русском языке насчитывается не один десяток заимствованных слов по данной тематике. Одни из них вошли в русский лексикон еще в петровскую эпоху, другие – в последующие годы, третьи – совсем недавно. Вот некоторые из них, касающиеся кулинарного дела: *деликатес, гурман, гарнир, соус, майонез, бульон, суп, крем, гриль, фрикасе, фритюр, котлета,*

*антрекот, эскалоп, рагу, жульен, рулет, пюре, сироп, омлет, мусс, крем-брюле, парфе, безе, круассан, бисквит, пралине, суфле, эклер, карамель, драже, грильяж, маседуан, монпансье, желе, желатин, карбонад, конфитюр, рокфор, камамбер, бри, консоме, тартинка, ваниль, ванилин, рафинад, зефир, бриошь.*

А это – уже из области виноделия и производства разного рода напитков: *купаж, винтаж, дегоржаж, ассамбляж, кюве, дегустация, дегустатор, коньяк, ликёр, бенедиктин, абрикотин, мараскин, кюрасо, шартрез, абсент, кальвадос, бурбон, пино, мерло, совиньон, бордо, божоли, мускат, лафит, шабли, ситро, лимонад, апельслад.*

Начиная с петровских ассамблей и елизаветинских балов, российская элита стала активно осваивать французскую светскую лексику, в результате чего русский язык вскоре пополнился такими словами, как *бал, журфикс, маскарад, фаворит, паж, комильфо, свита, протезе, рандеву, реноме, демимонд, куртизанка, кокотка, пассия, мезальянс, адюльтер, кураж, этикет, комплимент, реверанс, экивок, секрет, променад, интрига, сенсация, ситуация, суаре, бравада, пари, бретёр, блезир, жуировать.* Помните у Гоголя в «Ревизоре»? : «Я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой...». Кстати, в том же «Ревизоре» можно встретить и ряд других слов по данной тематике: *моветон, пассаж, реприманд, конфузия, физиономия* и др. [14].

Этот список можно дополнить словами, характеризующими положительные и отрицательные качества человека: *серьёзный, лояльный, корректный, компетентный, солидный, деликатный, меркантильный, авантюрист, карьерист, казуист, бонвиван, жуир, пижон, моветон, позёр, фразёр, фат, фармазон, комбинатор, селадон, доктринёр.* Любопытно происхождение слова «фармазон». Оно произошло от французского “*franc-maçon*” – *франкмасон* (досл. *вольный каменщик*); в переносном значении – *вольнодумец*. Именно так характеризуют Евгения Онегина обыватели на балу в доме Лариных: «Сосед наш неуч, сумасбродит, он *фармазон*; он пьет одно стаканом красное вино» [4].

Некоторые из перечисленных выше слов были использованы А. Чеховым для характеристики речи одного из своих персонажей

в рассказе «Тапёр»: «Этот Ескимосов *парвеню* и *мовежанр*, свинья в ермолке и *моветон*, но папаше с дочкой *манже* и *буар* хочется, так что тут некогда рассуждать о *мовежанрах*» [15]. Конечно, писатель вполне мог бы обойтись без французских заимствований, но тогда высказывание героя утратило бы достоверность и колорит – ведь Чехов хотел передать типичную речь русского человека определенного социального класса, в которой французские «вкрапления» были вполне естественным явлением. Именно об этом говорится в одном из рассказов Н.С. Лескова: «Дама встретила меня веселая, без малейшей застенчивости, и сама заговорила со мной, пересыпая русские слова французскими» [16].

Начиная с XVIII века в русский быт стали входить французские развлечения – карты, игры, рулетка, что повлекло за собой и соответствующую лексику: *преферанс, пасьянс, ломбер, марьяж, валет, пики, трефы, тасовать, пасовать, ва-банк, домино, бильярд, карамболь, рокамболь, лото, серсо, крокет, рулетка*. Вместе с ними русский словарь пополнился названиями заведений, в которых можно было отдохнуть, развлечься: *отель, ресторан, кафе, бистро, казино, кафешантан, кабаре, варьете, карусель, шапито, бордель*.

Слов французского происхождения в русском языке очень много, и нет, пожалуй, области знания, форм общественного сознания, куда бы они не вошли. Назовем лишь некоторые из них: философия, религия, наука, медицина, образование, техника, военное дело, мореходство, политика, экономика, финансы, спорт, туризм и т. д. Французская терминология лежит также в основе типографского дела, названий шрифтов: *метранпаж, тираж, клише, нонпарель, петит, миньон, паризьен, диамант, рондо*.

Блестящие успехи французской медицины общеизвестны: многие русские врачи стажировались у своих коллег во Франции, как, например, известный микробиолог и эпидемиолог Н.Ф. Гамалея, прошедший практику в Париже у Пастера. Поэтому вполне естественно, что многие французские слова, связанные с медицинской терминологией, вошли в русский лексикон: *таблетка, пинцет, ланцет, тампон, ингаляция, иммунитет, диабетик, валидол*. Сюда же можно прибавить названия болезней: *гастрит,*

*дифтерит, грипп, коклюш, катар, диатез, депрессия, бери-бери, тик* и др.

Страницы истории Франции тоже нашли отражение в русском вокабулярии. Особое место здесь занимают слова, появившиеся в эпоху Великой Французской революции: *комиссар, патриот, декрет, гильотина, эшафот, террор, баррикада, экспроприация* и, конечно же, название революционной песни, ставшей гимном Французской Республики – *Марсельеза*.

В годы французской революции во Франции был введен новый республиканский календарь и утверждена метрическая система. Календарь просуществовал с 1793 по 1806 год и был упразднен Наполеоном, но названия месяцев можно и сейчас встретить в различного рода текстах: *вандемьер (vendémiaire)* – месяц сбора винограда, *брюмер (brumaire)* – месяц туманов, *жерминаль (germinal)* – месяц прорастания и т. д. Ну, а метрическая система мер известна ныне всем: *метр, сантиметр, дециметр, километр, грамм, килограмм, тонна, литр, гектар, ар* и др.

Говоря о словах-реалиях, следует назвать такие понятия, как *жиронда, санкюлоты, кагуляры, тамплиеры, фрonda, жоресизм, буржуа, бонапартизм, абсолютист, роялист, вандал, коннетабль, миракль, фузилёры, маки (партизаны), сенешаль, сеньория, сервы, орифламма, ордонанс, клошар*, а также названия денежных знаков: *франк, сантим, су, луидор, эю*; титулов и обращений к лицам: *дофин, сюзерен, суверен, вассал, маркиз, маркиза, виконт, виконтесса, барон, баронесса, шевалье, месье, мадам, мадемуазель, милорд, миледи, сир, командор* и многое другое.

Долгое время международным языком дипломатии оставался французский язык, что, естественно, нашло отражения в терминологии и послужило материалом для заимствования во многие языки мира, в том числе, и в русский: *дипломат, дипломатика, дуайен, атташе, дипкурьер, вализа, денонсация, коммюнике, депеша, аккредитовать* и др.

Многие французские экономические термины тоже стали объектом заимствования: *рента, бордеро, куртаж, компенсация, коммерсант, девальвация, индексация, авуары, дивиденд, транш*. Заметим, что некоторые заимствованные слова приобрели в рус-

ском языке иную стилистическую окраску. Так, в отличие от французского *affaire* – «дело», «предприятие», «сделка», русское *афёра* имеет явно негативную окраску. Или глагол *ignorer*, основное значение которого «не знать», «не ведать», в русском заимствовании означает «не считаться», т. е. *игнорировать*.

Большая группа заимствованных слов связана с названиями профессий: *актёр, режиссёр, коммивояжёр, шофёр, маркёр, монтёр, минёр, репортёр, тапёр, шансонье, крупье, портье, метрдотель, инструктор, модистка, субретка, модельер, рантье* и др. В большинстве случаев их отличительной чертой является суффикс *-ёр* (франц. *-eur*). Заметим, что с помощью этого суффикса от русского глагола «ухаживать» образовалось понятие «ухажер». Точно также возникли существительные *кобеляж* и *мандраж* – по аналогии с французским словам с суффиксом *-age* (русск. *-аж*) – *кураж, ажиотаж, раж*. Известно, что от слова *кураж* Л.Н. Толстой произвел фамилию персонажа своего романа «Война и мир» Анатолия *Курагина*, который был большим любителем *покуражиться*. Этот список можно продолжить, поскольку предметом заимствований могут быть не только слова и выражения, но и элементы слова – корень, префиксы, суффиксы. Так, в современном русском арго можно встретить ряд неологизмов, образованных с помощью суффиксов, заимствованных из французского, итальянского, испанского языков: *кобелизм, кобелино, кобельеро, выпивон, закусон* (по аналогии с фр. *cruchon* – «крюшон») и др.

Заимствованные слова, как правило, отражают реалии времени. Так, в лексике, связанной с военной тематикой, встречаются слова, относящиеся к разным историческим эпохам – от средневековья до новейшего времени. Вот некоторые из них: *мушкет, арбалет, митральеза, капсюль, каземат, рavelин, редут, авангард, арьергард, кавалерия, камуфляж, блиндаж, канонада, калибр, монтекристо, эскадрон, бивуак, интервенция, динамит, детонатор, дивизия, мина, демобилизация*.

Успехи, достигнутые Францией в начале XX столетия в области воздухоплавания, способствовали появлению новой терминологии, что тоже послужило предметом для заимствований: *авиа-*

*ция, планёр, экипаж, пилотаж, форсаж, фюзеляж, лонжерон, нервюра, элерон, шасси, эскадрилья, парашют, дирижабль.* То же самое можно сказать про железнодорожный и автомобильный транспорт, и связанную с ним лексику: *локомотив, депо, вагон, перрон, тамбур, купе, пассажир; автомобиль, такси, лимузин, седан, дерапанж, руль, рессора.* А это – названия транспортных средств, но уже дней минувших: *фаэтон, кабриолет, шарабан, ландо, дилижанс.* Такое же разнообразие мы находим и среди технических терминов: *карбюратор, инжектор, трамблёр, жиклёр, обтюратор, реле, каландр, анод, катод, репер, каркас, калорифер, бандаж, озонатор, пуансон, монтаж, демонтаж* и т. д.

Развитие транспорта, естественно, способствовало росту туризма, что повлекло за собой появление новых слов: *вояж, вояжёр, тур, туризм, экспресс, перрон, дебаркадер, багаж, портплед, саквояж (sac de voyage – походный мешок), портфель, портмоне, несессер, кофр.*

И еще одно великое французское изобретение конца XIX века (1895) – детище братьев Люмьер, кинематограф и соответствующая терминология: *синематограф, экран, сеанс, титр, ракурс, монтаж, обтюратор, дубль, дублёр, дубляж, каскадер.*

Назовем и некоторые другие французские слова, пополнившие русский словарь в 20–50-х годах первой половины XX века: *метрополитен, метро, пикап, педикюр, перманент, эскимо, демарши, пацифизм, призёр, гарант, репортаж, табло.* К ним можно добавить ряд заимствований, оформленных грамматическими средствами русского языка: *превентивный, транспортабельный, тотальный, глобальный.*

Известно, что когда нет слова для обозначения какого-либо предмета или явления, его можно придумать. Нередко таким словом становилось имя изобретателя. К примеру, фамилией братьев Монгольфьер стали называть плод их изобретения – воздушный шар. И таких фактов только в одной Франции было немало – назовем лишь некоторые из тех слов, которые вошли в русский лексикон: *брегет, силуэт, галифе, гильотина, буль, жакоб, мельхиор, пломбир, бешамель, бегония.* Откуда же взялись все эти названия? Начнем с Буля. Он работал столяром при дворе Людовика XIV

и прославился тем, что создал новый стиль мебели (дерево с инкрустациями из меди, бронзы, черепахи и пр.) – его именем стал именоваться этот стиль. Фамилией часового мастера Брегета (1747–1823) были названы карманные часы, отличавшиеся точностью хода и рядом технических новшеств. Особый покрой брюк для военных *галифе* получил название от фамилии кавалерийского генерала Галифе (Galliffet), который прославился своей жестокостью при подавлении Парижской коммуны 1871 года. Сплав меди и никеля – *мельхиор* обязан своим происхождением его создателю Мельхиору (Melchior). *Бегония* названа в честь любителя цветов Бегона, а в честь маркиза Бешамеля был назван белый соус к телятине. Ну, а доктор Гильотен обессмертил себя изобретением пресловутого орудия казни – *гильотины* (*guillotine*). Рассказ о том, что якобы сам Гильотен был казнен изобретенной им машиной, лишён основания: доктор пережил революцию и умер естественной смертью в 1814 году. Материалом для создания нового слова может послужить и литературный персонаж, например, герой романа писателя XVII века О. де'Юрфе «Астрея» по имени *Селадон* (Céladon). Так обычно называют любителя ухаживать за женщинами, волокиту.

Среди французских заимствований можно выделить группу слов, которые в своей оригинальной транскрипции представляют собой целую фразу: *кордебалет* (*corps de ballet*), *кафешантан* (*café chantant* – досл. «кафе с пением»), *шезлонг* (*chaese longue* – досл. «длинный стул»), *табльдом* (*table d'hôte* – общий обеденный стол в пансионате, отеле). Или сложное слово, состоящее из нескольких корней: *паспарту* (*passerpartout*, букв. «подходит ко всему» – картонная рамка для фотографий, гравюр и пр.); *визави* (*vis-à-vis* – лицом к лицу), *кастет* (*casse-tête*, от *casser* – разбивать и *tête* – голова), *портунья* (*porteépée*, от *porter* – носить и *épée* – шпага). Аналогичны *портунее* и другие заимствования, начинающиеся на морфему *port-*: *портмоне*, *портфель*, *портплед*, *портсигар* – все они обозначают предметы, в которых что-то можно носить – *porter*.

Наряду с многочисленными словами, в русский язык вошли и целые фразы. Самая известная из них – *шарше ля фам* (досл.

ищите женщину), употребляемая как в русской транскрипции, так и во французской – *cherchez la femme*. Назовем и некоторые другие: *селяви* – (*c'est la vie* – такова жизнь), *тет-а-тет* (*tête-a-tête* – свидание вдвоем, наедине), *карт-бланш* (*carte blanche* – полная свобода или право на совершение какого-либо действия), *брик-а-брак* (*bric-a-brac* – старье, хлам), *гран-при* (*Grand Prix*, досл. «большой приз» – главная награда на крупнейших конкурсных мероприятиях), *парад-алле* (*parade alle* – торжественный выход всех артистов на манеж цирка), *дежавю* (*déjà vu* – «уже видел» – психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации), и противоположное состояние – *жамевю* (*jamais vu* – «никогда не видел»).

Особо следует сказать о слове *комильфо*, которое происходит от французской фразы *comme il faut* (досл. *как надо, как следует*) – хороший тон, принятые в обществе правила поведения. Антонимом *комильфо* является *моветон* – то есть поведение, манеры и поступки, не принятые в приличном обществе. Пример из романа Тургенева «Рудин»: «“C'est un homme *comme il faut*” (это светский человек), – подумала она, с доброжелательным вниманием взглянув на Рудина» [17].

И еще одна фраза – *au pair* (буквально переводится как *обойудный*). Это выражение обычно используется в оригинальной транскрипции и служит для обозначения молодых людей, живущих в чужой стране в принявшей их семье и выполняющих определенную работу. В качестве компенсации они получают питание, комнату для проживания и карманные деньги, а также возможность выучить язык и познакомиться с культурой принимающей их страны. Кроме *au pair*, существует и ряд других фраз, которые традиционно пишутся на языке оригинала: *pret-à-porte* (*прет-а-порте*) – готовая, шитая одежда, *sécurité* (*секюритэ*) – международный морской радиосигнал безопасности.

Наряду с перечисленными фразами, существует немало французских выражений, употребляемых на языке оригинала в русской литературе. Среди них: *Après nous le déluge* (После нас хоть потоп). Эта фраза приписывается Людовику XV, утопавшего в роскоши на фоне общего разорения и нищеты; *Entente cordiale*



(Сердечное соглашение – *антант кордиаль*), от которого произошло слово «Антанта»); *Faire bonne mine à mauvais jeu* (Делать веселое лицо при плохой игре); *Liberté, égalité, fraternité* (Свобода, равенство, братство) – лозунг французской революции 1789 года. И, пожалуй, самое популярное: *L'appétit vient en mangeant* – «Аппетит приходит во время еды».

Вместе с тем, в русский язык вошло много крылатых слов, которые представляют собой кальки с известных французских выражений: «Точность – вежливость королей», «Бальзаковский возраст», «Золотая молодежь», «Быть не в своей тарелке», «Искусство для искусства» и др.

Благодаря литературе, искусству, а также средствам массовой информации, в русском языке закрепилось множество слов и выражений речевого этикета, которые не нуждаются в переводе: *бонжур, бон суар, мерси, мерси боку, сивьвупле, оревуар, адью, вуаля, авек плезир, шарман* и многие другие.

Интересно появление в русском лексике слова *анкор* (*encore* – еще). Оно стало известно, благодаря картине художника Н.А. Федотова (1815–1852) «Анкор, еще анкор». На картине изображена убогая каморка и лежащий на топчане офицер, развлекающийся тем, что заставляет прыгать через палку своего пуделя. «Анкор, ещё анкор» повторяет он с тупым упрямством эту бессмысленную фразу, не понимая, что «анкор» и «еще» – одно и то же. Заметим, что в лексике собачьей дрессировки немало и других французских слов: *апорт, куш, тубо, фу, фас*.

В течение нескольких веков Франция владела многочисленными колониями, находящимися в разных частях света. Благодаря этому, через посредство французского языка в русскую речь вошли многие слова из лексикона народов, населявших колонии. Чаще всего это были названия животных, растений, географические термины: *тигр, оцелот, пантера, бизон, казуар, жако, ламантин, палисандр, лианы, маниока, атолл*.

Есть в русском языке и ряд слов курьёзного происхождения. Одно из них – *шаромыга* или *шаромыжник*. Принято считать, что оно возникло из выражения *cher ami* (*дорогой друг*) – так обращались к крестьянам голодные французские дезертиры войны 1812

года. От этого слова образовались производные – *шаромыжничать*, *нашаромыжку*. «Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали *нашаромыжку*», – пишет Хлестаков своему другу Тряпичкину в «Ревизоре» Гоголя [14]. Другое слово – *амикошонство* (*ami-cochon* – «друг свиньи»); оно означает чрезмерную бесцеремонность, фамильярность.

Как и любая лексика, заимствования могут устаревать и постепенно выходить из употребления. К числу таких слов можно отнести *политес*, *тупей*, *фельдикос*, *пассия*, *пепиньерка* и др. Так, в петровские времена *тупеем* (франц. *top*) называли завитые волосы на лбу. Это слово встречается в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума», в речи Фамусова, с тоской вспоминающего о екатерининских временах: «А в те поры все важны! в сорок пуд... Раскланяйся – тупеем не кивнут» [18]. Его же мы встречаем – теперь уже в форме прилагательного – в повести Лескова «Тупейный художник».

Одни слова устаревают, другие – приходят им на смену. В последние годы в русский язык вошло много новых французских слов. Среди них: *бутик*, *сомелье*, *фондю*, *фуа-гра* (*foie gras* – жирная печень) и др. Язык, как живой организм, отбрасывает ненужное и впитывает новое. Существует несколько способов пополнения лексики, образования новых слов и понятий. Один из них – заимствование. Часто слова в язык приходят вместе с предметами, ими обозначаемыми (*rem verba sequuntur* – *слова следуют за вещами*). Порой этот путь довольно долог: слова переходят из одного языка в другой. Так, ряд французских слов вошел в русскую речь через посредство немецкого, польского и других языков.

В свою очередь, во французском языке тоже имеется немало заимствований – итальянских, испанских, португальских, английских и пр., которые затем перешли в русский. В их числе: *эмбарго* (исп. *embargo* «захват», от глагола *embargar* «захватывать»), *балет* (итал. *balletto* «балет» от *ballo* «танец, пляска»), *мушкет* (итал. *moschetto*, из ср. лат. *musca* «муха»), *паланкин* (порт. *palanquin* «паланкин», от малайск. *palangki*, восходящ. к санскритск. *paluka* «ложе»), *дренаж* (*drainage* от англ. *drain* «осушать»).

Французская лексика стала важной и органичной частью русского языка. Многие слова так слились с ним, что воспринимают-

ся как исконно русские. Весомый вклад в этом направлении внесли русские поэты, особенно представители эпохи «серебряного века» – А. Белый, С. Черный, И. Бунин, В. Иванов, О. Мандельштам, М. Волошин, В. Ходасевич и другие. Образы Франции, французская лексика присутствуют во многих их поэтических опусах. Особо ценил красоту и изысканность французской речи Игорь Северянин (1887–1941). Приведем строки из его стихотворения «Это было у моря» с подзаголовком «*поэма-миньонет*»:

Это было у моря, где ажурная пена,  
Где встречается редко городской экипаж...  
Королева играла – в башне замка – Шопена,  
И, внимая Шопену, полюбил ее *паж* [19].

Французские заимствования нисколько не обеднили язык Пушкина и Тургенева, Толстого и Чехова, Булгакова и Цветаевой, а наоборот, обогатили, внося в него новые яркие краски, нюансы, и то, что французы именуют словом «шарм».

## 1.2. Итальянский язык

Заимствование иноязычных слов является естественным явлением для любого языка. Так было во все времена. И какой бы развитой не была цивилизация, каким бы совершенным и разработанным не был язык, все равно его лексика пополняется и обогащается за счет слов, взятых из языков других народов. Так, греческий язык в период своего формирования вытеснил языки местного «эгейского» населения, но значительно обогатил за их счет свою лексику. Позже, в эллинистическую эпоху, он пополнился заимствованиями из семитских и других языков античности. То же можно сказать и про латынь: постоянные контакты с иноязычными племенами обогатили ее значительным лексическим слоем неиндоевропейского происхождения. Важнейшим источником пополнения латинской лексики стал также греческий язык, с которым язык древних римлян соприкасался в течение многих столетий.

Далее «эстафету» принял итальянский язык. Возникнув на основе живого народного латинского языка («вульгарной» латы-

ни), он вскоре приобрел статус литературного. Поэтому вполне естественно, что основу его лексики составили слова латинского происхождения, в том числе и греческие заимствования. Вместе с тем, в него немало вошло так называемых «варваризмов» (около 700 лексических единиц), которыми итальянский язык обогатился в эпоху нашествия германских племен: они вошли в него из готского, лангобардского и франкского языков. Как отмечает Дж. Бонфанте, «германские слова, присоединившись к латинскому словарю, обогатили его драматическими, жестокими, страстными и грубыми элементами»; и далее: «не будь их, мы бы много потеряли, потому что они придают итальянскому языку его специфический характер» [20].

Военные вторжения Франции и последующие многолетние культурные связи с этой страной способствовали внедрению в итальянскую лексику слов французского происхождения. Не бесследно прошло для нее и владычество Испании и Австрии, в течение длительного времени контролировавших разрозненные итальянские государства. Тем не менее, благодаря подвижной деятельности флорентийской академии «Круска» язык Данте и Петрарки долго еще продолжал сохранять свой классический облик. И только в последнее время он подвергся интенсивному воздействию иностранных языков и в первую очередь – английского.

В свою очередь, итальянская лексика тоже проникала в другие языки – французский, немецкий, английский, новогреческий, польский, русский. Этому способствовал ряд факторов, среди которых следует особо выделить стремительное развитие итальянского искусства и науки в эпоху Возрождения – живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, в частности создание оперы. Итальянских специалистов стали приглашать на работу за рубеж. Итальянцы работали повсюду: они возводили дворцовые комплексы и театры, расписывали церкви и соборы, создавали скульптурные композиции и живописные полотна. Но особой популярностью пользовались итальянские музыканты – оперные труппы из Италии буквально наводнили города Европы. Не избежал этой участи и Петербург, где с середины XVIII века постоянно рабо-

тали итальянские оперные коллективы, музыку для которых писали известные композиторы того времени, также приглашенные в Петербург.

В распространении итальянского языка в Средиземноморье немалую роль сыграл флот – венецианские и генуэзские корабли заходили в самые далекие порты, включая гавани Черного моря и Атлантики. Свою лепту в этом направлении внесла и католическая церковь, со времени распространившая свое влияние по всему миру.

Мощным толчком в усилении роли итальянского языка на мировой арене стала массовая эмиграция, начавшаяся в конце девятнадцатого века и продолжавшаяся вплоть до середины двадцатого. Миллионы итальянцев обрели вторую родину в странах Южной и Северной Америки, и прежде всего в США. Вместе с собой они несли свою культуру, традиции, обычаи, язык. Примером может служить проявление в международном лексиконе слов «пицца» и «пиццерия», чему способствовало открытие итальянскими иммигрантами в 1905 году первой за пределами Италии пиццерии в Нью-Йорке.

На Руси первые итальянцы появились еще в тринадцатом веке. Одним из них был монах Джованни Пиан дель Карпини, прибывший в Киев в 1240 году, т. е. за двадцать лет до рождения Данте. Чуть позже в Крым прибыли генуэзцы и основали там, на месте бывшей греческой колонии Феодосии, город Каффу. Два века спустя в Москву был приглашен итальянский архитектор Аристотель Фьораванти. Выходец из Болоньи, он не только воздвиг стены Московского Кремля и знаменитый Успенский собор, но и участвовал в походах на Новгород, Казань и Тверь как начальник артиллерии и военный инженер (1477–1485) [21]. Чуть позже под руководством архитекторов Марко Руффо и Пьетро Солари была выстроена Грановитая палата. Есть предположение, что именно тогда в русский обиход вошло итальянское слово *палаццо* (дворец), преобразованное в более удобное для русского произношения «палаты».

Однако контакты с языком Данте (прямые или опосредствованные) осуществлялись не только в столице, но и на периферии.

Так, в Восточном Причерноморье были зафиксированы слова явно итальянского происхождения, обозначавшие названия ветров: *бора* (сильный ветер, дующий с гор в зимнее время), *грего* (северо-восточный ветер) и *майстро* (северо-западный ветер) – *boğa, grego, maistro*. По мнению Макса Фасмера, некоторые слова в этом регионе могли войти в русский лексикон через новогреческий язык или же непосредственно из итальянского, как, например, *лимон* или *барабулька* (рыба). Интересно происхождение слова *зипун* – название старинного крестьянского кафтана – лингвист усматривает его истоки в слове венецианского диалекта *zipòn* (ит. *giubbone* – *деревенский кафтан*). То же самое «джуббоне» явно прослушивается и в названии украинского полукафтана «жупан» (зафиксировано в письменных источниках в 1643 г.). И еще одно старое русское слово имеет отношение к названию итальянской одежды – *шуба* (*giubba* – *куртка, тужурка*). Согласно Фасмеру, это слово пришло в итальянский язык из арабского, а затем уже, через посредство средненижнемецкого (*schûbe, schoube* – *длинное и просторное верхнее платье*), перешло в русский [2].

Через польский язык в русский словарь пришли итальянские слова, обозначающие транспортные средства: *carretta* – *каре́та*, *biroscio* – *бричка*. К числу наиболее старых русских слов итальянского происхождения Фасмер относит также слово «пасти́ла» (1578), источником которого могли быть *pastello* – *кружок сухого фруктового сока*, либо *pastiglia* – *шарик теста, лепешка*. Любопытно происхождение слова *gazzetta* – *газета* (впервые упоминается в письмах русского дипломата князя А. Куракина). Так называлась старинная венецианская монета, составлявшая стоимость одного номера газеты, издаваемого в ту пору в Венеции. Название монеты стало синонимом печатного издания – *газеты*, а позже оно вошло в язык россиян.

С именем Куракина связана одна известная фраза из его дневника, в которой князь, хорошо владевший несколькими европейскими языками и подолгу живший за границей, употребил два итальянских слова – *innamorato* (влюбленный) и *cittadina* (гражданка). Примечательно, что написал он их в русской графике, что нетипично для такого рода иноязычных вкраплений: «В ту свою

бытность я был *иннаморато* в славную хорошеством одну *читтадинку*» [22].

В XVIII веке русский язык обогатился многими словами, связанными с архитектурой и строительством. Этому способствовало приглашение в Россию известных итальянских архитекторов – Франческо Растрелли, Джакомо Кваренги и Карло Росси. С именами этих зодчих связана целая эпоха в истории Российского государства: строительство новой столицы – Санкт-Петербурга. В русском лексиконе появились архитектурные термины: *ротонда, фонтан, лоджия, архивольт, купол, галерея, мезонин, бельведер, ризалит, карниз, цоколь, фуст* и других. Одно из них – *бут* (мелкий камень, щебень). По предположению Фасмера, это слово произошло от итальянского глагола *buttare* – *бросать, кидать*. Любопытно, что этот же глагол присутствует и в слове *бутафор* – *buttafuogi* (досл. *выброси*).

В свою очередь, русские художники, скульпторы, архитекторы стали направляться в Италию для стажировки и обучения. В их числе были: Ф. Шубин, О. Кипренский, Ф. Бруни, К. Брюллов, И. Айвазовский, А. Боголюбов, Е. Сорокин, П. Лагорио. Более двадцати лет жили и работали в Италии живописцы Сильвестр Щедрин и Александр Иванов – автор знаменитой картины «Явление Христа народу».

Построенные в России дворцы и театры вскоре заполнили приглашенные из Италии композиторы, певцы, музыканты. Начиная с 1735 года и до середины XIX столетия, на сценах Петербурга почти безраздельно царила итальянская опера. Музыка для спектаклей создавали известные композиторы: Ф. Арайя, Б. Галуппи, Дж. Сараи, Дж. Паизиелло, Д. Чимароза, К. Кавос. На сцене блистали выдающиеся певицы того времени – Катерина Габриели и Аделина Патти. Молодые русские певцы и музыканты обучались у итальянских специалистов как в городах России, так и в самой Италии. Авторитет итальянских музыкантов был очень высок не только в России, но и во всей Европе. Это был век расцвета итальянской оперы. Естественно, все это нашло отражение в языке. Русский словарь пополнился музыкальными терминами, связанными с оперой и ее строением: *опера, либрет-*

*то, ария, ариозо, ариетта, каватина, речитатив, дуэт, терцет, квартет, квинтет, интермеццо* и т. д. Сюда же можно добавить названия певческих голосов: *сопрано, альт, меццо-сопрано, тенор, бас*; инструментов: *флейта, фагот, труба, тромбон, виолончель, контрабас, мандолина*; темповые обозначения: *аллегро, анданте, адажио, виваче, престо, модерато, ленто, рубато, а темпо* и т. д.

В русский язык также вошли итальянские слова, обозначающие музыкальные формы и жанры: *соната, сонатина, концерт, кантата, баллада, fuga, фугато, баркарола, серенада*; названия танцев: *тарантелла, сальтарелло, романеска, гальярда* и др. Отдельную группу составляют слова, указывающие на характер исполнения произведения: *маэстозо (величественно), джокозо (игриво), скерцандо (шутливо), кон фуоко (с огнем), кон брио (с блеском)*; способы звукоизвлечения: *стаккато, легато, пиццикато, маркато, глиссандо*; динамические оттенки: *форте, фортиссимо, пиано, пианиссимо, крещендо, диминуэндо* и пр.

Интерес к старинной музыке, музыке эпохи Возрождения и барокко, способствовал появлению в русском лексиконе таких слов, как *виола, виола да гамба, теорба, бастарда, чембало, спинет, партита, кончерто-гроссо* и т. д. Сюда же можно отнести и термины, связанные с полифонией и полифонической музыкой: *пропоста, респоста, стретто, кодетта, бассо-остинато, басо-континуо, ричеркар, пассакалия* и др. [23].

Если латинский язык принято считать международным языком медицины, то итальянский – язык музыки, по крайней мере, в русском языке добрая половина итальянских заимствований относится к сфере музыкального искусства. Показателен и тот факт, что итальянский язык представлен в этих заимствованиях более разнообразно как с точки зрения широты охвата различных аспектов данного вида искусств, так и с точки зрения грамматики. Если в других сферах итальянские слова выступают преимущественно в качестве имен существительных, то в музыке они представлены почти всеми частями речи. Кроме существительных, здесь можно встретить прилагательные, числительные, наречия, разные формы глаголов (инфинитив, причастие, герундий) и даже служебные слова – союзы, предлоги. Кроме того, в нотных материалах



нередко встречаются целые фразы на итальянском языке, значение которых русские музыканты понимают без перевода.

Приведем некоторые примеры из произведений П.И. Чайковского. *Andante non troppo e molto maestoso* – *Не спеша и очень величественно* (Первый концерт для фортепиано с оркестром), *Adagio poco meno che prima* – *Немного медленнее, чем прежде* (финал Шестой симфонии), *Pesante e marcatisimo* – *Тяжело и сильно акцентируя* (ремарка к фортепианной пьесе «Думка»). Здесь налицо различные части речи: наречия (*maestoso, molto, troppo, poco, meno, non*); прилагательные (*andante, adagio, pesante, marcato*), причем последнее из них взято в превосходной степени (*marcatisimo*), служебные слова (*e, che*).

В XIX веке итальянское присутствие в России было уже весьма заметным. Кроме Петербурга и Москвы, итальянцы жили и работали во многих городах обширной империи. Особо ощутимым было их присутствие в Одессе, где в первой половине века итальянская диаспора насчитывала более десяти тысяч человек. Потомки римлян пели в театрах, обучали россиян музыке и танцам, писали живописные полотна, строили дворцы, вели торговлю и даже владели трактирами. В 1827 году, возвратившись из Москвы в село Михайловское, А.С. Пушкин послал своему другу Сергею Соболевскому шуточный «путеводитель» в стихах, в котором были и такие строки:

У Гальвани иль Кольони  
Закажи себе в Твери  
С *пармезаном макарони*  
Да яичницу свари [24].

Как видно из четверостишья, в русском лексиконе того времени уже были слова итальянского происхождения – *макарони* и *пармезан* (франц. слово от итал. *parmigiano*).

После музыки больше всего итальянских слов можно обнаружить среди искусствоведческих терминов, имеющих отношение к архитектуре, живописи, прикладным видам искусства, ювелирному делу. Кроме вышеприведенных терминов по архитектуре,

назовем еще некоторые слова, означающие названия художественных эпох и течений: *треченто, кватроченто, чинквеченто, маньеризм, барокко, веризм*, а также термины, употребляемые в других видах искусства – в живописи: *акварель, акватинта, пастель, темпера, колорит, марина, фреска, альфреско, альсекко*; в скульптуре и прикладном искусстве: *инталия, интарсия, терракота, майолика, смальта, ниелло, мозаика, стека*. Итальянские слова присутствуют и в театральных терминах: *комедия дель арте, лацци, Арлекин, Пульчинелла, Панталоне, Коломбина, Дзанни, Буратино, арлекинада, паяц, марионетка, бутафория, примадонна* и др. Нельзя умолчать о поэтических и литературоведческих терминах, таких как: *сонет, терцина, стансы, мотто, пасквиль, новелла, гротеск, макаронический* (например, стиль). Некоторые итальянские заимствования появились благодаря знаменитому цирку Чинизелли, гастролировавшему в дореволюционное время во многих городах России – это: *престидижитатор* (фокусник), *сальто* и даже целое выражение *сальто-мортале* (смертельный прыжок).

Не менее обширный пласт итальянской лексики вошел в русский обиход из кулинарии – это преимущественно названия блюд, продуктов, вин, напитков. Некоторые из них были заимствованы еще в XIX веке (*макароны, вермишель, марципан*), однако большинство слов этой тематики появилось в русском языке в последние десять-двадцать лет. Это – названия блюд и продуктов: *спагетти, пицца, равиоли, лазанья, ризотто, салями, каннелони, тальятелли, карпаччо, минестроне*; сыров: *моццарелла, горгонзола, рикотта, некорино*; кондитерских изделий и напитков: *панеттоне, тирамису, нутелла, раффаэлло, капучино, кофе «эспрессо»*, рыбы: *сардины, тунец*; овощей: *цуккини, брокколи, артишоки, спаржа, латук*, фруктов: *бергамот, помелло*. И, конечно же, давно вошедшее в русскую речь слово *помидоры* (*romì d'ogo – золотые яблоки*). Ну, а итальянские вина и прочие виды спиртных напитков, начиная от «граппы» (нечто вроде русского самогона, только из винограда) и закачивая благородным «шампанте» из Асти (итальянское «шампанское») – это уже особая статья! Назовем лишь некоторые из них: *Кьянти, Фраскати,*

*Ламбруско, Кастелли Романи, Алеатико, Марсала, Лакрима Кристи, Кампари, Амаретто, Лимончелло, Мартини, Чинзано, Негрони* и т. д. Говоря о винах, нельзя не вспомнить о сопутствующих застольям словах: *бриндизи (тост), чин-чин! (чокнемся!)*.

Одним из наиболее старых «гастрономических» итальянских терминов, являются «макароны». По мнению Е. Костюкович, это слово бытовало в Италии, начиная с XII века. Причем тогда оно означало не собственно «макароны» в современном толковании этого слова как одного из многочисленных видов макаронных изделий (их в Италии сейчас насчитывается более 70 разновидностей), а как общее наименование продуктов из теста, которые отвариваются в кипящей воде. И только с начала XIX века «макароны» стали означать то, что они означают сегодня, а все виды макаронных изделий стали именоваться «пастой» [25]. В последние годы это слово тоже вошло в русский лексикон (в данном значении).

Итальянцы были не только отличными кулинарами и завзятыми гурманами (коими они остаются и поныне), но и отличными специалистами в банковском деле. Поэтому многие, давно уже ставшие привычными для русской речи бухгалтерские термины, пришли к нам из Италии. В их числе – *касса, инкассатор, конто, римесса, тратта, нетто-баланс, авизо, банкрот* и многие другие. Успехи итальянских воинов и оружейников способствовали проникновению в русский язык слов, связанных с военной тематикой: это названия оружия, оборонительных сооружений, воинских подразделений, званий и т. п. Назовем их: *аркебуза, фальконет, кортик, стилет, шпага, гвардия, инфантерия, кавалерия, солдат, берсальер, кондотьер, капрал, казарма, рavelин, провиант*.

Италия со всех сторон окружена морями, а итальянские военные и торговые суда с давних пор бороздили воды морей и океанов. Кроме того, плавательные средства использовались лодочниками и рыбаками. И было бы странно, если бы род этой деятельности не нашел отражения в языках, как в родном, итальянском, так и в некоторых чужеземных, в частности русском. Вот некоторые из них: *галера, фелюга, гондола, гондольер, регата, барка, портуланы (навигационные карты)*, а также известные во всем мире команды: *Майна! Вира!* И еще: *баркарола, гондольера*.

Итальянские заимствования многое могут рассказать о различных аспектах жизни людей, проживавших на Аппенинском полуострове, например, о болезнях (*скарлатина, малярия, пеллагра, мальсекко, паппатачи, петехия*) или о типичных для данного региона растениях: (*белладонна, лаванда, скорцонера, тюльпан*). Перечисленные болезни тоже были характерны для Италии, поскольку их распространение, зачастую, определялось как окружающей средой, так и условиями быта, климатом и т. д. Так пеллагра, известная также как «итальянская проказа», появлялась вследствие употребления в пищу блюда из кукурузной муки – поленты, в которой отсутствовали важные для жизнедеятельности человека витамины. Природные ресурсы Италии нашли отражение в названиях горных пород и минералов: (*габбро, травертин, туф, брекчия, гранит, аквамарин*). Другие слова свидетельствуют о развитии техники (*нувистор, бурат, трафарет*); полиграфии (*боргес, марзан*); ткацкого производства (*тафта, саржа*), либо связаны со сферами общественной жизни – религией (*аббат, капуцин, сутана, пилигрим*); спортом (*каприоль*) и др.

Многие слова итальянского происхождения связаны с местными реалиями, относящимся к историческому прошлому страны, административному устройству, социальному укладу жизни, географическим особенностям и т. д. Большинство из них вошли в русский язык через художественную литературу, исторические хроники, прессу. В их числе такие слова, как *гибеллины, гвельфы, карбонарии, лаццарони, чомпи, рисорджименто, катакомбы, джунта, подеста, квестура, квестор, сбир, дож, догаресса, синьория, комендаторе, чичисбей, чичероне* и др. К историческим реалиям относятся также названия денежных знаков, монет: *цехин, дукат, флорин, скудо, берлинга, карлино, лира, сольдо, центезимо*; некоторых общественных заведений: *остерия, траттория, таверна, пиццерия*, игр: *тарокки, брискола, мора*. Среди реалий мы также находим наименования ветров: *трамонтана, сирокко, бора*; природных явлений: *фумаролы, сольфатара* (выделения из кратеров вулканов) *фиумары* (временные реки Средиземноморья); географических терминов *лагуна, лидо*; древних построек: *террамары* (укрепленные поселения каменного века в Северной

Италии), *палафиты* (свайные постройки на болотистых берегах), *трулли* (конусообразные сельские дома в Апулии).

Пример из стихотворения И. Бродского «Пьяцца Маттеи», в котором из трех итальянских слов два – реалии:

Зима. Звенит хрусталь *фонтана*.  
Цвет неба – синий.  
Подсчитывает *трамонтана*  
иголки *пиний*. [26]

Однако, наряду со всем позитивным, чего достигла в своем развитии Италия, в жизни этой страны были и негативные моменты. А язык, как средство отражения реальной действительности, скрупулезно фиксировал их в своем вокабулярии. Здесь уместно вспомнить такие слова, как *корсар*, *банда*, *бандит*, *вендетта*, *мафия*, *мафиози*, *капо*, *консильере*, *каморра*, *омерта*, *лупара*, *пунтана*, *контрабанда*, *фашизм*, *фашист*, *дуче* и другие.

Наряду с именами нарицательными, в русский лексикон вошли и слова, образованные от имен собственных – имен известных итальянских ученых, мыслителей, святых. Среди них – ряд технических терминов: *вольт*, *вольтметр* (от имени физика Вольты – Volta); *гальванизация*, *гальваноскоп* и многие другие (от Гальвани – Galvani); *кардан* (от Кардани – Cardani); некоторые другие дефиниции: *макиавеллизм* (от Макиавелли – Macchiavelli); *францисканцы*, (от названия монашеского ордена, основанного Франциском Ассизским – Francesco d'Assisi), *лазарет* (от имени библейского персонажа Лазаря – Lazzaro), *караваджизм* (от Караваджо – Caravaggio), *гарибальдиец* (от Гарибальди – Garibaldi). В основе ряда других слов лежат названия итальянских городов: *сиена*, *сиенская земля* (краска), *болоньевый*, «*болонья*» (ткань), *болонка* (порода собаки), *фаянс* (фр. *faïence*, от названия города Фаэнца – Faenza).

От собственного имени образовано и название инфекционной болезни – *сифилис* (ит. *syphilis*). Это слово ввел в обиход в 1530 году Джироламо Фракасторо из Вероны, взяв за основу имя пастуха Сипила из «Метаморфоз» Овидия, страдавшего по описанию поэта подобной болезнью [27].

К сказанному можно также прибавить давно уже вошедшие в русский лексикон и часто упоминаемые в средствах массовой информации названия итальянских газет и журналов, футбольных команд, автомобилей, рок-групп: «Коррьере дела сера», «Унита», «Мессаджьеро», «Эспрессо», «Скуадра адзурра», «Лацио», «Фиорентина», «Феррари», «Альфа Ромео», «Фиат», «Ланча», «Рикки э повери» и др.

Естественно, что, став русскими, итальянские слова подчиняются правилам русской речи. С течением времени они приобретают самые разнообразные грамматические формы: из существительных превращаются в глаголы, прилагательные наречия, либо, благодаря многочисленным суффиксам субъективной оценки, приобретают явно выраженную экспрессивную окраску. Вот некоторые русские производные от итальянских слов: бас – *басить*, *басовый*, *басище*, *басистый*, *басовитый*, *басок* и бандит – *бандитский*, *бандитизм*, *бандюга*, *бандюган*, *бандформирование*. Недавно вошедшее в русский лексикон слово «путана», приобрела формы *путанка* (несовершеннолетняя или начинающая проститутка) и *путанить* (заниматься проституцией).

Известно, что русские чрезвычайно изобретательны в этом отношении (о чем не раз говорил в своих выступлениях сатирик Михаил Задорнов), благо русский язык располагает поистине неисчерпаемыми ресурсами словообразования. Приведем некоторые примеры: газета – *газетенка*, балерина – *балерун*, лимон – *налимониться*, макароны – *макаронники* и т. д. Особенно преуспели здесь поэты-футуристы (известно, что поэт Велимир Хлебников образовал около 400 слов от глагола «любить»). А вот четверостишие из стихотворения В. Маяковского «Во весь голос», в котором одно из итальянских слов – *мандолина* неожиданно выступает в форме глагола:

Нет на прорву карантина –  
*Мандолият* из-под стен:  
Тара-тина, тара-тина,  
Т-эн-н...[28]

Кстати, в этом четверостишии есть еще одно итальянское слово – *карантин*. Интересно его происхождение. Это слово появилось в XIV веке, в ту пору, когда в Европе свирепствовала чума. Во избежание распространения этой опаснейшей болезни суда, прибывавшие в итальянские порты из неблагополучных в этом отношении стран, задерживались на рейде на сорок дней – по-итальянски *quarata giorni* или *quarantena*. Позже это слово перешло во французский язык, а из него – в русский [26].

Итальянские заимствования могут многое рассказать об истории страны, курьезных фактах, традициях, нравах и т. д. Так, слово «касса» вначале использовалось только в одном значении – *ящик, коробка*. Именно в ящик складывались деньги, полученные, например, со зрителей за право входа в театр. И лишь позже это слово приобрело современное значение, а человек, сидящий за кассой, стал именоваться *кассиром* – *cassiere*. А затем уже появились банковские термины: *инкассо, инкассировать, инкассатор*.

Или возьмем слова *солдат* и *бандит* (*soldato, bandito*). В итальянском языке – это причастия, означающие: *получивший плату, нанятый* (от *солдо* – мелкая итальянская монета) и *сосланный, изгнанный* (от глагола *bandire* – *ссылать, изгонять*). Превратившись в имена существительные, они стали означать *наемник* и *изгнанник* и лишь впоследствии приобрели современное толкование: *солдат* и, соответственно, *бандит, разбойник*. Не менее интересна и история появления слова «пасквиль» (производные – *пасквильно, пасквильный, пасквильянт*) – произведение оскорбительного, клеветнического характера. Оно произошло от итальянского мужского имени Пасквино (*Pasquino*): так в Риме именовали статую, на которую было принято вывешивать сатирические стихи на злобу дня. Из итальянского языка оно перешло в немецкий (*Pasquill*), а затем – в русский.

Пути, по которым слова переходили из одного языка в другой, нередко бывали довольно сложными. Так итальянское слово *banchiere* – *банкир* вначале было заимствовано французами, от них оно перешло к немцам и только потом было освоено русскими. Еще более долгий путь проделало слово арабского происхождения *magazzino*, которое в итальянском языке означает

*склад*. Его путь таков: Италия – Франция – Нидерланды – Россия (mahzan – magazzino – magasin – magazijn – магазин). Как видно, слово изменилось не только фонетически, но и семантически: *склад* – *магазин*. Иногда фонетические изменения бывают столь значительными, что источник заимствования трудно даже обнаружить. Балетный термин «антраша» пришел в русский язык из французского (*entrechat*), в котором он, в свою очередь, был заимствован из итальянского *salto intrecciato*, что означает *прыжок с перекрещенными ногами*. Таким образом, из «*интреччато*» он превратился в «*антраша*».

По нашим подсчетам в русский язык вошло около 650 итальянских слов. Конечно, невозможно было учесть все заимствования, поскольку одни слова со временем устаревают и исчезают из лексикона, другие же еще не фиксируются словарями, хотя нередко звучат в речи и появляются на страницах печатных изданий. И этот процесс никогда не прекращается, поскольку русский язык – это «открытый» язык, который не препятствует вхождению в свой лексикон иноязычных слов. По мнению известного шведского лингвиста Эрика Гуннемарка – человека, владеющего несколькими десятками иностранных языков, русскому языку чужд языковой «пуризм» (в его списке «открытых» языков он занимает одно из ведущих мест). Так, из 2000 слов основного словарного запаса в нем 200 интернациональных слов (в английском и французском – 300, в финском – 50) [29].

Просматривая словари, нетрудно заметить, что в составе русского языка немало и других итальянских слов. Однако они вошли в русский лексикон не из итальянского, а из латинского языка, а итальянский язык, как уже отмечалось, возник на основе латыни. В последние десятилетия многие языки мира, в том числе русский и итальянский, активно пополняются английской лексикой (компьютерные технологии, информатика и др.). Таким образом, количество общих слов в них постоянно увеличивается, что отнюдь не идет в ущерб их самобытности и национальному своеобразию, хотя некоторые специалисты и просто граждане придерживаются иного мнения.

Нередко в русских текстах – литературной прозе, поэзии, сценариях можно встретить целые фразы на итальянском языке.



ке, например, цитаты из «Божественной комедии Данте: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate* – «Оставьте надежду сюда входящие» (надпись на дверях ада) или крылатое выражение, приписываемое Галилею Галилео «*Eppur si muove!*» – «А все-таки она вертится». В опере П.И. Чайковского «Пиковая дама» один из ее персонажей – офицер рассказывает друзьям фантастическую историю о трех картах, якобы происшедшую со старой графиней в пору ее молодости в Париже, после чего следует реплика другого офицера: *Se non é vero é ben trovato* – «Если это не правда, то хорошо придумано», а опера Р. Леонкавалло «Паяцы» заканчивается ставшей уже хрестоматийной фразой «*La commedia é finita*» – «Комедия закончена». Многим известно и выражение «*Tutti frutti*» – «всякая всячина», популяризации которой способствовал известный рок-ролл из репертуара Элвиса Пресли.

Италия – страна с большим историческим прошлым и чрезвычайно богатым культурным наследием – внесла огромный вклад в мировую цивилизацию. Великие достижения, плоды гения итальянского народа не только воплощались в материальные и художественные ценности, но и находили соответствующее отражение в языке. Став достоянием других народов, эти ценности нуждались и в словесном выражении. А поскольку в словарях других народов таких слов чаще всего не было, то существовало два способа решения возникшей проблемы: ввести в свой язык готовую уже итальянскую терминологию, либо создать новые слова. В большинстве случаев отдавалось предпочтение лексике оригинала – так было в странах с «открытыми» языками. А вот языковые «пуритане» – исландцы, венгры, финны и даже немцы (до 1945 г.) – поступали иначе: они делали «кальки» с итальянских слов, т. е. переводили их на свои языки или создавали новые. Так, например, Н.М. Карамзин предлагал вместо *фортепиано* (ит. pianoforte) говорить «тихогром» (*piano* – тихо, *forte* – громко), а слово *калоши* заменить «мокроступами». Однако призывы писателя и историка не были услышаны. А вот венгры заменили интернациональное *фортепиано* на свое, венгерское – *zongora*, а вместе с ним и множество других слов иностранного происхождения.

### 1.3. Испанский язык

Как уже отмечалось, по количеству романских заимствований в русской речи пальма первенства принадлежит французскому и итальянскому языкам. Это произошло в силу успешно развивавшихся общественно-политических, торговых и культурных связей между странами, продолжавшихся в течение многих столетий. Однако далекая Испания долгие годы оставалась вне поля зрения русского человека. И хотя русско-испанские дипломатические и культурные связи были установлены еще в XVI веке, интерес к Испании пробудился лишь в первой половине XIX столетия, в пушкинскую эпоху. Впервые образ Испании стал привлекать внимание просвещенной части русского общества в конце XVIII века, когда в России появились первые переводы «Дон-Кихота» М. Сервантеса, сделанные с французского языка (полный перевод с испанского оригинала был осуществлен в 1849 году). В эпоху французской революции была переведена трилогия Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро», действие которой разворачивалась в испанской Севилье. Вскоре россияне познакомились и с музыкально-сценическим воплощением пьес Бомарше – операми «Свадьба Фигаро» В. Моцарта и «Севильский цирюльник» Дж. Россини. Испанская лексика стала постепенно пополнять русский язык. Только благодаря «Дон-Кихоту» в его лексикон вошли такие заимствования, как *идальго*, *кабальеро*, *дон*, *донья*, *дуэнья*, *сеньор*, *сеньора*, *реал*, *алькайд*, *инфант*, *мориск*, *касик* и многие другие – в романе Сервантеса подобных слов-реалий несколько десятков [30]. Сюда же можно отнести и имена персонажей романа – *Дон-Кихот*, *Санчо Панса*, *Дульсинея* и даже кличку коня – *Росинант*. Все они стали именами нарицательными, а от имени главного героя даже образовались слова-дериваты: *донкихотский*, *донкихотство*. Однако такие слова уже нельзя считать заимствованиями, поскольку они произведены по словообразовательным законам русского языка.

Первые испанские заимствования появились в русском языке в XVII веке. Одно из них упоминается в «Хождениях» Василия Гагары в 1634 году [2, IV, 7]. Это слово *табак*, пришедшее в ис-

панский язык из аравакского *tobako* (Гаити) вскоре после открытия Америки Колумбом. Однако подобные заимствования были в ту пору немногочисленны.

С конца XVIII века испанская тема в русской художественной культуре стала раскрываться в основном через два источника – западноевропейскую, преимущественно французскую, литературу и публикации русских путешественников. Сюда можно отнести сочинения Шатобриана, Готье, Мериме, Байрона. Первым тему Испании в русской литературе затронул Пушкин, а вдохновили его на это беседы с князем Н. Юсуповым, совершившим путешествие в эту страну. Так появилась трагедия «Каменный гость», стихотворения «Я здесь, Инезилья», «Ночной зефир», «Пред испанкой благородной», а с ними и используемые автором испанские слова-реалии, которые в то время уже входили в русский лексикон: *дон*, *дона*, *гранд*, *гитана*, *вента*, *серенада*, *сеньор*, *сеньора*, *мантилья* и др. Образы Испании – несколько экзотичной и романтизированной – отразили в своих стихах и другие русские поэты – М. Лермонтов (трагедия «Испанцы»), А.К. Толстой (драма «Дон-Жуан»), М. Волошин («Кастаньеты»).

Многие стихотворения русских поэтов на испанскую тему обрели вторую жизнь в романах, созданных М. Глинкой, А. Даргомыжским, П. Чайковским и другими русскими композиторами XIX века. Музыка тоже способствовала проникновению в русский язык слов испанского происхождения. Так, названия целого ряда испанских танцев – *чакона*, *пассакалия*, *сарабанда*, *хота*, *сегидилья*, *хабанера*, *болеро* стали широко известны не только в России, но и во всем мире благодаря сочинениям Баха, Генделя (пьесы из сюит и партит), Глинки («Арагонская хота»), Бизе (опера «Кармен»), Равеля («Болеро»). Некоторым заимствованиям – *маха*, *менина*, *инфант*, *инфанта* – русский язык отчасти обязан произведениям живописи: знаменитые «Махи» Ф. Гойи, «Менины», «Инфанта Маргарита», «Инфант Фердинанд» Д. Веласкеса.

Однако наиболее результативным источником пополнения русского лексикона испанскими заимствованиями оставалась литература – художественная проза, стихи, пьесы, путевые замет-

ки, очерки и т. д. Сюда можно отнести переведенные на русский язык произведения испанских писателей – Сервантеса, Тирсо де Молина, Лопе де Вега, Кальдерона, Унамуно, а также сочинения зарубежных писателей, затрагивавших в своем творчестве испанскую тему – В. Гюго («Человек, который смеется»), П. Мериме («Театр Клары Газуль», новелла «Кармен»), а в двадцатом веке – Л. Фейхтвангера («Гойя»), Э. Хемингуэя («По ком звонит колокол», «Фиеста», рассказы).

Начиная с конца 30-х годов XIX века, в России заметно пробуждается интерес к Испании, ее традициям, нравам, культуре, искусству, чему во многом способствовала публикация «Писем об Испании», известного русского литератора В.П. Боткина. В сущности, это было первое развернутое описание страны. Боткин совершил поездку в Испанию в 1846 году, пробыв в ней полгода. В путевых очерках он познакомил русского читателя с ее народом, историей, жизненным укладом, обычаями, деятелями ее культуры, особенно выделив замечательных испанских художников, народными танцами и со многим другим, не забыв при этом коснуться и социальных проблем. До Боткина Испания обычно представлялась как экзотический мир пышной природы, рыцарства, пламенной любви, сильных страстей. Теперь же русский читатель узнал правду: очерки Боткина во многом разрушили прежние несколько романтизированные представления об этой стране.

Естественно, рассказывая об Испании, Боткин часто использовал слова-реалии – некоторые из них, уже знакомые отечественному читателю, он давал в русской транскрипции, другие – в оригинальном написании. Так, при описании знаменитой испанской корриды, писателем был употреблен целый ряд иберизмов: *коррида*, *тавромахия*, *коррехидор*, *матадор*, *пикадор*, *бандерильеро*, *мулета*, *капа*, *куадрилья*, *гранд*, *альгвазил* и др. А это – слова, приведенные в испанской транскрипции: *corso de toros* (бой с быками, коррида), *plasa de toros* (арена), *torero* (тореро, *тореадор*), *chulo* (чуло, помощник тореро), *novillo* (молодой бык), *cachetero* (качетеро, тореро, добывающий быка кинжалом), *cogida* (удар рогами) [6]. Некоторые из них вскоре тоже вошли в русский язык.

В том же 1846 году в Испанию поехал другой русский – композитор М.И. Глинка. В отличие от Боткина, Глинка побывал в стране два года, более того, еще готовясь к поездке, он освоил испанский язык, а свое пребывание в стране посвятил серьезному изучению народной музыки, культуры. Результатом этой поездки стало написание двух симфонических увертюр: «Арагонская хота» и «Летняя ночь в Мадриде». В своих «Записках» и письмах композитор нередко обращался к испанской лексике. Чаще всего это было связано с названиями музыкальных жанров, танцев: *болеро, фанданго, хабанера, сегидилья, хота, кансьон*. Названия некоторых слов-реалий Глинка приводил в испанском написании: «Хаживал ко мне один *zagal* (погонщик мулов при дилижансе) и пел народные песни, которые я старался уловить и изложить на ноты. Две *Seguidillas manchegas* (*airs de la Mancha*) мне особенно понравились и впоследствии послужили мне для второй Испанской увертюры» [31]. Обратим внимание на то, что значения испанских слов музыкант дает в скобках на русском или французском языках. Это говорит о том, что данные слова русскому читателю еще не были знакомы (одно из них – название песнитанца *сегидилья* стало широко известным лишь тридцать лет спустя, после появления оперы Ж. Бизе «Кармен»).

Начиная с 40-х годов, Испанию все чаще стали посещать представители русской художественной интеллигенции – писатели, художники, музыканты, ученые. В их числе – Д. Григорович, П. Боборыкин, П. Анненков, В. Немирович-Данченко, И. Репин, В. Васнецов, К. Коровин, М. Волошин, А. Остроумова-Лебедева, А. Бенуа, Л. Мечников. Многие из них выступали на страницах журналов, публикуя путевые дневники, очерки, воспоминания. Все чаще стали появляться картины на испанскую тему – «На балконе. Испанки Леонора и Ампара» К. Коровина, «Испания» М. Врубеля, живописные эскизы А. Головина к постановке оперы «Кармен» в Большом театре.

Три года (1851–1854) прожил в Испании стипендиат Академии художеств, живописец Е. Сорокин. Он изучал работы испанских мастеров, посетил Мадрид, Толедо, Гранаду, сделал множество зарисовок, написал ряд картин. Лучшие из них – «Нищая

девочка-испанка» и «Испанские цыгане» хранятся ныне в Третьяковской галерее.

Испанская тема все прочнее стала входить в русскую жизнь, художественную культуру, а испанские слова – в русский язык. В настоящее время в русском вокабулярии насчитывается около 300 испанских заимствований. Большинство из них – слова-реалии, связанные с древней культурой страны, ее историей, традициями, искусством. Сюда можно отнести историзмы, общественно-политические термины, названия должностей и профессий: *конкиста*, *конкистадор*, *аделантадо*, *дескаминадос*, *комунерос*, *энкомьенда*, *хунта*, *альгвазил* (*альгвасил*), *алькальд*, *коррехидор*, *кортесы*, *камарилья*, *касик*, *алькабала*, *акпарсерия*, *асьенто*, *бегетрия*, *летрадос*, *экальтадос*. Некоторые из этих слов – арабского происхождения, поскольку в течение восьми веков многие области Испании находились под властью арабов, а испанский народ вел длительную борьбу против захватчиков, получившую название *Реконкиста*. Заметим, что сильные арабские влияния сохраняются в испанском языке и поныне. Арабизмы часто обнаруживают себя артиклем “аль”, с которого начинаются некоторые испанские слова: *альгвазил*, *алькальд*, *алькабала* и др.

Немало среди заимствований и традиционных испанских обращений к лицам различных сословий, общественного положения, возраста, особенно часто встречающихся в художественной литературе: *сеньор*, *сеньора*, *сеньорита*, *гранд*, *дон*, *дона* (*донья*), *дуэнья*, *инфант*, *инфанта*, *менина*, *маха*, *идальго*, *кабальеро*, *камрад*, *мачо*, *каудильо* (*про Франко*). К ним примыкают и многочисленные расовые, этнические, религиозные, и социальные прозвища: *мараны* (*марраны*), *креол*, *пуэбло*, *самбо*, *мулат*, *квартирон*, *квартиронка*, *гитана*, *ладинос*, *латинос*, *гринго*, *мондеяры*, *мориски*, *мудехары*, *негрилли* и др. Многие из этих слов появились в испаноязычных странах Латинской Америки, с их пестрым в этническом отношении населением.

Вообще, освоение Нового Света, появление колоний, в том числе и на других континентах (в Африке, Азии), ставших впоследствии самостоятельными государствами, способствовало притоку в испанский язык множества слов, заимствованных из

языков народов, населявших эти территории. Новые лексические единицы, заметно пополнившие испанский словарь, вошли затем во многие языки мира, в том числе и русский. Прежде всего, это были слова, связанные с растительным миром освоенных земель. Сюда можно отнести названия деревьев и кустарников: *кокосовая пальма, фейхоа, гренадилловое дерево, гуайява, чапараль, квебрахо, кока, сераделла, эспарто*; плоды растений: *какао, кокос, банан, томат, ваниль, маниока, чуфа* (земляной орех), *каучук, балата, силос, пита, сизаль* (волокно), вина: *малага, херес*; табачные изделия, наркотические средства: *табак, сигара, сигарета, пахитоса, марихуана, кокаин*.

Не менее богатое разнообразие находим мы и в заимствованиях, связанных с названиями представителей тропической фауны – хищников, млекопитающих, приматов, пресмыкающихся и т. д.: *пума, аллигатор, кайман, анаконда, лама, альпака, гуанако, мандрил, армадиллы, мустанг, агути, шиншилла, нутрия*; птиц и насекомых: *колибри, кетеал (кетуаль), москит, колорадский жук, батат, минорки* (порода кур).

Освоение новых территорий способствовало также расширению географической терминологии. *сьерра, саванна, каньон, пампасы, пампа, сельва (сельвасы), кордильеры, барранкосы, мофетта, пуна, куэсты, льяносы, бай, кальдера, парамосы*. К ним примыкает целый ряд топонимов, образованных от испанских слов: *Эльдорадо* (золотой), *Колорадо* (цветной, окрашенный), *Рио-Колорадо* (окрашенная река), *Флорида* (цветущая), *Порто-Рико* (богатый порт) и его дериваты – *портоториканец, портоториканский, Коста-Рика* (богатый берег) и др. Дополняют этот список названия ветров: *памперо, солано, торнадо*; минералов, металлов и сплавов: *карбонадо, платина, платинель, платинит, копал*.

В Испании, а также в многочисленных испаноязычных странах вводились в обращение денежные знаки самых различных названий (сейчас их можно найти в любом нумизматическом справочнике): *песета, дуρο, риал, эскудо, очаво* (Испания), *сентаво* (Аргентина, Мексика, Куба и др.), *колон* (Коста-Рика, Сальвадор), *сентесимо* (Панама, Уругвай, Чили), *сукре* (Эквадор), *соль* (Перу), *боливиано* (Боливия), *песо* (денежная ед. ряда стран

Латинской Америки) и др. Эти слова часто фигурируют в произведениях испанских и латиноамериканских писателей – многие из них давно уже вошли в русский лексикон и известны не только нумизматам.

В силу исторических обстоятельств в Испании пересекались культуры многих народов. Особенно заметное влияние на развитие страны оказали романская, арабская, еврейская и цыганская культуры, что нашло отражение в многочисленных произведениях архитектуры, изобразительного искусства, музыки, танцах. Русские путешественники, писатели, художники, музыканты с восхищением отзывались о самобытном искусстве Испании. Многие ехали в страну специально для знакомства с памятниками культуры, произведениями искусства. Таким образом, русский язык постоянно пополнялся новыми словами – искусствоведческими терминами, названиями музыкальных жанров, танцев и т. д.

Больше всего в русский лексикон вошло слов, связанных с хореографическим искусством Испании и стран Латинской Америки: *пассакалия, чакона, павана, тирана, болеро, хота, фанданго, поло, качуча, кадрили, фламенко, сардана* (каталонский танец), *мадриленья, манолла, танго, румба, ча-ча-ча, пасодобль, компарас, макарена*. Далее по количеству заимствований идут архитектура и строительство – название стилей, военных и гражданских построек: *алькасар, альков, адоба, артесонадо, асьенда, барракон, патио, ранчо, эстипите, платереско, чурригерреско, мудехар, альфархе, саломоника*.

Музыкальное искусство Испании нашло отражение в названиях жанров: *сарсуэла* (испанская оперетта), *грациозо, сегидилья, малагенья, хабанера, серенада, альборада, меренга, пасторела* и музыкальных инструментов: *виуэла, гитара, кастаньеты, марака* (маракасы), *гуамо*. А это – литературоведческие и театральные термины: *кансьонеро, романсеро, концептизм, костумбризм, индихенизм, маскарилья, тонадилья*.

Некогда Испания была могущественной военной державой. Ее флот, непобедимая армада, не имела себе равных в мире. Поэтому вполне естественно, что часть испанской военной терминологии также вошла в русский язык: *армада, эспланада,*



*парад, галеон, герилья, герильясы, бола.* О развитии торговли страны свидетельствуют такие слова, как *эмбарго, карго, карго-план.*

Многие испанские слова-реалии, относящихся к повседневной жизни народа, тоже стали объектом заимствований. Сюда можно отнести одежду – *мантилья, сомбреро, боливар, пончо, бандана, баретка, гуявера*; профессии и род занятий: *компрачкосы, контрабандист, пеон, ранчero, гасиендадо, эскудеро, компрадор, льянеросы*; орудия труда и приспособления: *наваха, лас-со, нория*; времяпровождение: *сиеста, фиеста.*

Испанские заимствования отражали некоторые негативные стороны исторического прошлого страны – гнет правящих классов, подавление народных восстаний, злодеяния инквизиции и т. п. Таковы, например, *хунта* (группа заговорщиков), *энкомьенда* (форма эксплуатации индейцев в Латинской Америке), *дескаминадос* (представители бедноты в революции 1820–1830 гг.), *ба-стонада* (избиение палками), *гаррота* (орудие пытки).

В XX веке новую волну интереса к Испании и испаноязычным странам пробудили исторические события того времени и, прежде всего, гражданская война 30-х годов и кубинская революция. И как следствие – новые заимствования, и не только отдельные слова, но и целые фразы: *patria o muerte* (родина или смерть), *no pasaran* (они не пройдут). Почти все знали партийный псевдоним испанской коммунистки Долорес Ибаррури – *пасионария* (исп. *pasionaria* – *пламенная*). Кубинская революция 1959 года пополнила русский словарь следующими заимствованиями: *команданте* (титул Фиделя Кастро), *барбудос* (от исп. *barbudo* – *бородатый*; так называли кубинских повстанцев, революционеров), *сафра* (сезон уборки сахарного тростника), *мачете* (нож для уборки тростника), *мачетеро* (рубщик тростника).

Появлению новых слов-заимствований способствовала и деятельность писателей, журналистов, освещавших ход гражданской войны в Испании, и отразивших эти события в своих произведениях – Э. Хемингуэя, И. Эренбурга, М. Кольцова.

Начало перестройки, а затем развал СССР ознаменовали новый этап в развитии испано-российских отношений. Гражда-

не России и стран СНГ получили возможность почти беспрепятственно выезжать за границу – на работу, учебу, отдых. Увеличилось и количество приезжающих в Россию иностранцев, в том числе говорящих на испанском языке. Заметно возрос объем переводов с испанского языка. В Москве и в других городах страны стали открываться совместные предприятия, магазины, рестораны, кафе – испанские, мексиканские, чилийские и пр. Все это вызвало небывалый по масштабам приток новых слов в русский лексикон – в него вошли названия блюд испанской и латиноамериканской кухни: *тортилья, гаспачо, тапас, паэлья, хамон, серрано, йемос, парильяда, эмпанада*, алкогольных напитков: *пинья колада (пинаколада), ангостура, мохито, темпранильо, текила, мескаль (мескила)*; танцев: *макарена* и многое другое.

Испанская, латиноамериканская тема продолжает находить отражение в творчестве современных русских писателей, поэтов. Таков, к примеру, поэтический цикл Иосифа Бродского «Мексиканский дивертисмент», в котором поэт органично вплетает в контекст стихотворений слова испанского происхождения: *романсеро, мулатка, неон, песо, текила, манго, танго, сигара, марихуана*.

#### 1.4. Португальский язык

Несколько иная картина сложилась в португальско-российских отношениях, что, естественно, отражалось и на взаимодействии языков. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1779 году, но протекали довольно вяло и несколько активизировались лишь конце XIX века. После февральской революции 1917 года все контакты между странами были прерваны. Восстановились они только в 1977 году. Такая же примерно картина сложилась и с другой португалоязычной страной – Бразилией, дипломатические отношения с которой были установлены в 1828 году.

О Португалии русский человек знал мало. Объем связей с ней был во много раз меньше, чем с Испанией. Известная поэма «Лузиады», принадлежавшая перу классика португальской литературы Луиса Камозенса (1524–1580) была впервые опу-

бликована в прозаическом переводе с французского в 1788 году, а полный стихотворный перевод поэмы с португальского появился лишь двести лет спустя – в 1988 году. Пушкин высоко ценил Камознса и упоминал его имя в нескольких своих стихотворениях. В. Жуковский не только переводил стихи поэта, но и выступил как автор драматической поэмы «Камознс». Известный живописец Карл Брюллов на сюжет из 3-й песни поэмы «Лузиады» написал картину «Смерть Инессы де-Кастро» (1834).

Сочинения другого португальского писателя Эсы де Кейроша (1845–1900) – романы, повести, рассказы – появились в русских переводах в 1910–1920-х годах. Хотя и редко, но все же бывали в Португалии путешественники и представители художественной интеллигенции России. Так, в начале 50-х годов XIX века ее посетили К. Брюллов, пробывший в стране около года, и писатель И. Гончаров, красочно описавший свое пребывание на острове Мадейра в книге очерков «Фрегат “Паллада”». Просвещенная часть русского общества интересовалась культурным наследием страны, ее историей. Хорошо знали в России и великих португальских мореплавателей – Васко де Гама, Фернана Магеллана и др.

Уже в XIX веке в русский лексикон вошло несколько десятков португальских слов. Многие из них появились благодаря португальским колониям в Азии, Африке и Южной Америке, где были заимствованы из языков местного населения. Сюда вошли названия представителей фауны: *макака (macaco)*, *шимпанзе (chimpanzé)*, *ягуар (jaguar)*, *тапир (tapir)*, *пиранья (piranha)*, *кобра (cobra)*, *фламинго (flamenco)*, *эму (emú)*, *тукан (tucano)*, *мандаринка* – дальневосточная утка; растения и их плоды: *мандарин (mandarim)*, *манго (manga)*, *тапиока (tapioca)*, *бетель (betel)*; *пиасава (piaçaba)*; карточная игра: *макао (macau)*. Интересна этимология слова *ягуар*. Оно заимствовано бразильцами из языка индейцев тупи – *jaguar* и состоит из двух основ – *ja (мы)* и *guarra (съедающий)*, т. е. «съедающий нас».

К бразилизмам можно также отнести некоторые географические термины: *сертан (sertão)* – засушливая степь во внутренних районах страны, *кампосы, кампо (campos)* – бразильские саванны, *капитания (capitania)* – административно-территориальная

единица; названия музыкальных жанров и танцев: *шоро* (*chôro*), *батука* (*batuque*), *байао* (*baião*), *форро* (*forró*), *самба* (*samba*), *босса-нова* (*bossa nova*). Среди других бразилизмов можно назвать: *кариока* (*carioca*) – житель, жительница Рио-де-Жанейро, *крусейро* (*cruzeiro*) – денежная единица Бразилии (до 1967 г.), *фейжоада* (*feijoada*) – густое рагу с черной фасолью, *порсейро* (*porseiro*) – самовольные поселенцы без права на землю.

Среди давно вошедших в русский словарный запас лусизмов (слов португальского происхождения) следует назвать *фетиши* (франц. *fétiche* от порт. *fetiço*), *буксир* (нем. *bugsieren* от порт. *rixar* – тянуть), *аудодафе* (нем. *Autodafe* от порт. *auto da fe* – дело веры) – публичное сожжения еретика, *пагода* (нем. *Pagode* от порт. *pagoda*), *каста* (*casta*) – от выражения *casta raza* – чистая раса; всемирно известные вина *мадера* (от острова *Madeira*), *портвейн* (*Portwein* – нем. калька от порт. *vinha do Porto*).

Как и Испания, Португалия – страна древней самобытной культуры. Поэтому вполне естественно, что многие португальские заимствования русского языка связаны с ее культурой и искусством – литературой, музыкой, архитектурой, хореографией. Среди них – архитектурный стиль *мануэлино* (*manuelino*), художественные изразцы *азулежу* (*azulejo*); танцы *фолья* (*folha*), *вира* (*vira*), *тирана* (*tirana*), *баядерка* (*bailadeira*): музыкальный жанр «иберийский блюз» *фаду* (*fado*), сборник светской средневековой португальской поэзии: *кансьонейру* (*cancioneiro*).

Среди прочих заимствования можно назвать португальскую корриду – *торада*, сторонников ограничения королевской власти и принятия конституции в Португалии XIX века – *хартисты* (*cartistas*) и названия денежных единиц, существовавших в стране в разные периоды ее истории – *реал*, *милрейс*, *моода*, *патака*, *сентаво*, *эскудо*.

В последние годы, в связи с расширением политических, торгово-экономических и культурных отношений с Португалией и Бразилией, русский язык пополнился целым рядом новых слов (преимущественного бразильского происхождения). К ним можно отнести: *пандейро* – музыкальный ударный инструмент, *самбадром* – площадка для выступлений школ самбы на карнавале,

*ламбада* – танец, *капоэйра* – бразильская система единоборства без оружия, *fazenda* – крупное поместье, *вакейро* – пастух, *фавела* – трущобы в Рио-де-Жанейро, *кайпирина* – коктейль, *кашаса* – крепкий алкогольный напиток. Любопытно появление в русском обиходе слова *fazenda* (*fazenda*). Оно получило распространение после показа в конце 80-х годов бразильского сериала «Рабыня Изаура» и стало употребляться для ироничного обозначения дачных участков.

Наряду с нарицательными, в русский лексикон вошли и некоторые имена собственные, такие как *Конакабана*, *Ипанема*, *Мараканà* (знаменитые пляжи и стадион в Рио-де-Жанейро), *Бенфика* (португальская футбольная команда) и др. Пробуждению интереса к португалоязычной литературе последних десятилетий способствовало творчество выдающихся писателей Бразилии и Португалии – Жоржи Амаду, Пауло Коэльо, Жозе Сарамаго.

Следует заметить, что в русском языке есть немало слов, очень схожих по звучанию с португальскими: *дама*, *блуза*, *шляпа*, *карусель* (порт. *dama*, *blusa*, *chapéu*, *carrossel*). Все они являются заимствованиями с французского языка – и в русском, и в португальском. Аналогичные пары можно найти и в заимствованиях с других языков – итальянского (чаще всего это музыкальная терминология): *сопрано*, *тенор*, *виолончель*, *фортепиано*, *адажио* – *soprano*, *tenor*; *violoncello*, *piano*, *adágio*, английского: *норд* (север), *джаз*, *бестселлер* – *norte*, *jazz*, *best-seller*, арабского: *спирт*, *сироп*, *бурнус* – *álcool*, *xirope*, *alborno*, немецкого: *шпора* – *espora* и др. [32].

Всего в русский язык вошло около семидесяти слов португальского (бразильского) происхождения, что примерно в четыре раза меньше, чем испанских. Заметим, что русских заимствований в современном португальском языке примерно столько же. По данным, приведенным в 2001 году С. Чубуковой в ее статье [33], их тогда насчитывалось около пятидесяти, но, принимая во внимание прошедшие годы и интенсивные связи с Португалией и Бразилией, количество этих заимствований наверняка увеличилось.

Однако вернемся к заимствованиям из испанского и португальского. Конечно, не все они равнозначны по степени проник-

новения в язык и частоты употребления. Одни из них, как, например, испанское *табак* или португальское *фетиши*, закрепились и ассимилировались в русском языке. Многие из них за счет фиксации или словосложения послужили основой для образования слов-derivатов. Возьмем в качестве примера производные от слова *табак*, приведенные в толковом словаре С.И. Ожегова: *табакерка, табаковод, табаководство, табаководческий, табачище, табачник, табачок, табачный* [34].

Другие заимствования известны главным образом специалистам в различных областях знания – историкам, этнографам, искусствоведам, биологам и т. д., хотя многие из них знакомы широкому кругу лиц, интересующихся соответствующими предметами. К примеру, любителям музыки или хореографии известны названия многих музыкальных жанров, стилей, инструментов и танцев испаноязычных и португалоязычных стран: *сарсуэла, сегидилья, хабанера, кастаньеты, фламенко, румба, самба, фаду, босса-нова* и др.

Третьи можно встретить в произведениях испанских и португальских писателей, а также в сочинениях иноязычных, в том числе русских авторов, в которых действие происходит в странах, где говорят по-испански или по-португальски (для создания местного колорита), а также в специальной литературе.

### **1.5. Румынский, провансальский и каталанский языки**

Прежде всего, о понятии «молдавский язык». В советское время он по чисто политическим причинам приобрел статус самостоятельного языка. В настоящее же время большинство лингвистов не выделяют его в отдельный язык, а говорят о молдавском диалекте дако-румынского языка, существующего вместе с другими региональными румынскими диалектами. В конце 80-х годов, перед распадом Советского Союза молдавские филологи и писатели отказались от идеи культивирования молдавского языка, признавая явную идентичность литературного молдавского и румынского. Мы тоже придерживаемся данного мнения.

По сравнению с другими романскими языками, заимствования из румынского языка в русской лексике незначительны – око-

ло тридцати слов. Это объясняется рядом причин и прежде всего характером взаимоотношений между двумя народами. Несмотря на наличие целого ряда общих культурных черт у румын и русских, включая общую религию, многие элементы языка, быта и культуры, отношения между народами не всегда были равными, а порой и весьма напряженными.

В 1717 году молдавский господарь Дмитрий Кантемир присягнул на верность России и вскоре стал один из приближенных Петра I. Россия была союзником Румынии в ее борьбе против турок. В 1774 году, в соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского мира, одно из румынских княжеств – Молдова – попадает под российский протекторат, а в 1812 году часть ее территории, находящаяся между реками Прут и Днестр (Бессарабия), отходит к своему восточному соседу. Таким образом, часть Молдовы вошла под эгиду Российской империи и стала именоваться Бессарабской губернией. В период с 1918 по 1940 год Бессарабия входила в состав Румынии, а в 1940 году была образована Молдавская ССР, просуществовавшая до 1991 года. Что же касается дипломатических отношений между Россией и Румынией, то они были установлены только в 1878 году.

Таким образом, история российско-румынских отношений была не столь длительна и устойчива, как, например, история отношений с другими странами романского ареала – Францией, Италией, Испанией. Но не только продолжительность межгосударственных отношений определяла объем румынских заимствований. Большое значение здесь имели деловые, экономические, культурные контакты, а также уровень развития страны, народа. Безусловно, Румыния во многом уступала высокоразвитым европейским странам, какими были Италия или Франция, но, тем не менее, кое-что из того самобытного и характерного, что имелося в ее культурном наследии, традициях и повседневной жизни было воспринято и нашло отражение в русском языке.

Пальму первенства здесь надо отдать румынской и молдавской музыке, песням, танцам – на территории СССР они были известны повсеместно. Благодаря популярным в то время молдавским ансамблям, гастролировавшим по всей стране, в русском

лексиконе закрепились слова дойна (*doina*), жок (*joc*), молдовеняска (*moldoveneasca*), сырба (*sârba*). Конечно, эти слова были известны русским и в XIX веке. Так, несколько лет спустя после вхождения Бессарабии в состав России, молодой Пушкин, отбывавший там ссылку (1820–1823), написал сатирические куплеты – пародию на местное дамское общество – «Дай, Никита, мне одеться...». Как отмечает литературовед Т. Цявловская, стихотворение «было написано в ритме *джока*, распространенного в Кишиневе молдавского танца» [35].

Стали известны также названия румынских музыкальных инструментов: дрымба (*drimba*) – род варгана; флуер (*fluiet*) – флейта, свирель; бучум (*bucium*) – сигнальная труба, близкая гучульской трембите; тараф (*taraf*) – название группы народных музыкантов, оркестра, в свою очередь заимствованное из турецкого языка.

Внедрению молдавских слов в русскую лексику способствовали даже сами названия исполнительских коллективов: оркестра молдавских инструментов «Флуераш» (досл.: исполнитель на флейте, музыкант), хоровой капеллы «Дойна», ансамбля танца «Жок», ансамбля «Лэураты» и др. Интересна этимология названия музыкального фестиваля «Мэрцишор» (рум. *Mărțișor*, от *martie* – март) – традиционный праздник встречи весны в Молдавии и Румынии. В Молдавии фестиваль «Мэрцишор» стал проводиться с 1967 года.

Благодаря известному фильму Эмиля Лотяну «Лаутары», русский язык пополнился еще одним заимствованием – словом лэутар (рум. *lăutari*, лэутарь) – так назывались традиционные молдавские и румынские народные певцы, инструменталисты. Название происходит от слова «лэута» или «алэута» – (старинный инструмент, род лютни).

Однако, если заимствования румынского (молдавского) происхождения, связанные с культурой, искусством известны всё же ограниченному кругу лиц, то слова, означающие продукты питания или блюда национальной кухни известны всем. Прежде всего, это мамалыга (*mămăligă*) – круто заваренная кукурузная каша. Интересна этимология этого слова. Обычно его считают



происходящим из «детского языка», от слова *tata* в значении “пицца”. По мнению М. Руссо, в мегленорумынском языке есть слово *tamă* – жидкая кукурузная каша, производным от которого может быть *tămăligă*. Возможно также, что это слово связано с латинским *mamilla* – сосок, грудь – уменьшительным к *mamma* – вымя [2].

Долгие годы кукуруза и блюда, приготовленные из нее, оставались основным продуктом питания большинства населения Молдавии и Румынии, и нередко можно было услышать оскорбительное «мамалыжник» (подобно тому, как итальянцев называли «макаронниками», а французов «лягушатниками»). Кстати, о кукурузе: Макс Фасмер приводит в качестве возможных источников происхождения этого слова румынское *sucuruz* – еловая шишка и болгарские *моморуз*, *момороз* – кукуруза, от которых уже один шаг до *мамалыги*. Вполне возможно, что и слово «ватрушка» румынского происхождения (рум. *vatră*).

Не менее распространено в русском языке и слово “брынза” (рум. *brînză*). Это слово очень древнее и относится к языку даков – народа, населявшего территорию современной Румынии до ее захвата римлянами. Согласно Фасмеру, слово “брынза” пришло в русский язык через посредство украинского или польского [3]. Высказывается также предположение, что оно было заимствовано из латинского *brandeum* – льняная ткань, в которой созревал сыр.

Из других заимствований «гастрономического» характера из румынского языка можно отметить такие слова, как *гивеч* (овощной салат), *гогошар* (сорт перца), *плацинда* (сладкий пирожок), *морс* (напиток). Впервые слово «морс» упоминается в XVI веке в «Домострое» («малиновый морсъ», «и меды, и пива, и морсы»). Ему созвучно румынское слово *mursă*, которое в свою очередь восходит к латинскому *mulsa*, *mulsum* – вино с медом, медовый напиток, – отмечает М. Руссо [36]. Вошло в русский вокабуляр и название широко распространенного в Молдавии и Румынии сорта винограда, а также вина, из него произведенного, – фетяска (*fetească*).

Следующая группа румынских заимствований представлена словами-реалиями, связанными с государственным устройством, национальной валютой страны. В их числе: господарь (*hospodar*,

*gospodar*) – титул правителей Молдавского княжества и Валахии в XIV–XIX вв.; Сфатул Цэрий (*Sfatul Țării*) – Совет края – орган государственной власти в Бессарабии; Сигуранца (*Siguranța*) – охранка, политическая полиция в монархической Румынии; жудец (*județ*) – административно-территориальная единица Румынии; лея, бань (*leu, bani*) – денежные единицы Румынии до введения евро (1 лея = 100 бань).

Любопытно, что названия организаций Сфатул Церий и Сигуранца получили в СССР широкую известность после выхода в свет сатирического романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», главный герой которого Остап Бендер, неудачно пытавшийся бежать через румынскую границу, осыпает бранью грабивших его пограничников: «Но, но! Я на вас буду жаловаться в Сфатул Церий... Сигуранца проклятая!» [37].

К группе слов-реалий можно отнести и имя известного правителя Валахии XV века, боровшегося за освобождение страны от турецкого владычества, графа Влада Дракулы (Цепеша). Влад Дракула (*Vlad Drăculea*) – уменьшительная форма эпитета *Dracul* (дракон). Прозвище «Цепеш» («Колосажатель», от *țeară* – «кол») он получил за жестокость в расправе с врагами и подданными, которых сажал на кол.

Многие слова-реалии можно встретить в «Воспоминаниях о Бессарабии» А.В. Вельтмана (1800–1870) – писателя, офицера русской армии, служившего в 20-х годах XIX века в Бессарабии, где он сблизился с А.С. Пушкиным и В.Ф. Раевским. Описывая жизнь в Кишиневе тех лет, Вельтман нередко вкраплял в русскую речь молдавские слова, сопровождая их пояснениями: *талгарь* – разбойник, *кушма* – высокая мерлушковая шапка, *кочула* – боярская шапка, *фермела* – женская одежда, безрукавка и др. Но, как показало время, эти молдавские реалии не закрепились в русском языке, однако другие слова, упоминаемые Вельтманом, – *мамалыга*, *брынза*, *джок (жок)* – давно уже пополнили русский лексикон [38]. Впрочем, одно из упоминаемых писателем слов автору этих строк довелось слышать в послевоенные годы в Одессе. Это слово *куламула* – производное от *кочула (căciulă)* – так там называли молдавские конусообразные папахи.

Особняком стоит румынское заимствование *кацан*, т. е. русский. Возможно, так в Молдавии называли поселившихся там бородатых русских старообрядцев. Румынское слово *țap* (читается *цан*) означает “козел”; *ca țap* – “как козел”. Иногда считают, что слово *кацан* возникло в украинском языке, в котором тоже есть заимствованное из румынского словечко *цан* (козел). Как заметил Фасмер, «бритому украинцу бородатый русский казался козлом» [2].

Из других румынских заимствований можно назвать слова: *кошара* (*coșară* – загон для овец) и *пампуша* (*pampușa* – связка табачных листьев).

Несколько особняком стоит окситанский язык. Этот язык еще называют провансальским или лангедокским (*langue d’oc* – досл. *язык “ок”*, от утвердительной частицы *oc* – *да* < лат. *hoc*), являющимся, в сущности, его диалектами. Окситанский язык в прошлом был широко распространен в ряде областей Южной Франции, в том числе и в Провансе. В настоящее время он почти вытеснен французским, но на его диалектах еще говорят около 10 миллионов человек.

Большинство окситанских слов вошло в русский язык благодаря провансальской поэзии, основоположниками которой были средневековые поэты-певцы, известные как трубадуры (фр. *troubadours*, окс. *trobador*). Наряду с самим словом “трубадур”, русский язык пополнился также названиями некоторых песенных жанров провансальской поэзии – кансона (или канцона, окс. *canso*, ит. *canzone* – песня); баллада (окс. *balata* – плясовая); сирвента (*sirventes* – служебная песня, тематическая разновидность кансоны); пасторела или пастурель (*pastorella* – песня, изображающая беседу рыцаря с пастушкой; альба (*alba* – утренняя заря) и др.

Интерес к провансальской поэзии пробудился в России в начале XIX века, благодаря переводам В. Жуковского и статье А. Пушкина (1825), в которой поэт отметил то большое влияние, которое оказала поэзия трубадуров на всё дальнейшее развитие европейской словесности. В частности, он писал: «Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее всевозможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virelai* (вирелэ. – А.К.), баллада, рондо, сонет и проч.» [39].

Появилось немало стилизаций, однако наиболее близкими к поэзии трубадуров были стихи В. Брюсова, «без видимого усилия вживавшегося в сложные строфические формы куртуазной лирики». В подлиннике читал окситанских поэтов А. Блок. В пьесе, посвящённую эпохе трубадуров, «Роза и Крест» поэт включил точный перевод части одной из сирвент Бертрана де Борна (окс. *Ve'm platz lo gais temps de pascor...*) [40].

В середине XIX века во Франции началось движение за возрождение и развитие литературы на провансальском языке, представителей которых называли «фелибрами» (пров. *felibres*) – это слово можно встретить в литературоведческих трудах. Наконец, само название исторической области на юго-востоке Франции “Прованс” (фр. *Provence*, окс. *Provença*, букв. «провинция») вошло в состав некоторых устойчивых выражений русского языка – «Прованское масло» (так раньше на Руси называли оливковое масло), соус «Провансаль» и, наконец, «Кот де Прованс» (*Côtes de Provence*) – самое известное марочное вино Прованса.

Обращает на себя внимание фонетическая близость русского слова “тыква” с окситанским (лангедокским) *tüko* – *тыква, голова*. По мнению М. Фасмера, заимствование этого слова из славянских языков «малоправдоподобно» [2]. Скорее всего, это просто совпадение.

В силу исторически сложившихся обстоятельств, заимствования из каталанского (*català*) появились в русском языке лишь в последние десятилетия, благодаря бурному развитию туризма, хотя некоторые слова были зафиксированы и раньше. В их числе – *сардана* (кат. *sardanes*) – название самого популярного в Каталонии танца, и *кобла* (*cobla*) – инструментальный ансамбль, под аккомпанемент которого обычно исполняется этот танец.

Ряд каталанских заимствований относится к словам-реалиям, связанным с традициями и культурным наследием народа. К ним можно также отнести *коррефок* (кат. *correfocs*, досл. “бег огня”) – разновидность фейерверка; *жегантс* (*gegants* – гиганты) – трехметровые куклы – неизменные участники «шествий гигантов», организуемых во время праздничных мероприятий.

Расцвет каталонской архитектуры во второй половине XIX века, во многом связанный с деятельностью выдающегося архитектора Антони Гауди (1852–1926), способствовал широкому распространению некоторых каталанских слов. Это: *Sagrada Família* (*Sagrada Família* – Святое семейство) – название храма Святого Семейства в Барселоне работы Гауди; *палау* (*palau* – дворец), например, концертный зал *Palau de la Música* (Дворец музыки) или *Palau Nacional* (Национальный Дворец); *Рамбла* (*Rambles*) – пешеходная улица в центре каталонской столицы; *Педрера* (*Pedrera* – досл. каменоломня, от *Pedra* – камень) – жилой дом, построенный по проекту Гауди, ныне музей.

Проведение в Барселоне в 1992 году Всемирной олимпиады и успехи футбольной команды, знаменитой «Барсы» вызвало к жизни новые слова: *Камп Ноу* (*Camp Nou*, досл. новое поле) – стадион футбольного клуба «Барселона» и, конечно же, «*Барса*» (*Barça*). К этим словам можно еще добавить и название известного шипучего вина, «каталонского шампанского» – *кава* (*cava*).

\*\*\*

Значительная часть романской лексики – а это более трех тысяч слов – давно уже стала достоянием русского языка и культуры, органично вошла в их контекст. Каждый из рассмотренных нами семи романских языков внес свой вклад в становление и развитие русского литературного языка, обогатив те или иные его аспекты новыми терминами, понятиями, словами. Так, французский и итальянский языки способствовали пополнению русской лексики искусствоведческой терминологией, представленной почти всеми видами искусств – от театра и музыки до кинематографа и дизайна, литературоведческими и научными терминами. Через испанский и португальский языки русская речь обогатилась многими экзотизмами, связанными с реалиями стран и народов Латинской Америки, Азии и Африки, не говоря уже о заимствованиях, связанных с культурным наследием самих Испании и Португалии. Свой вклад в расширение русского вокабулярия внесли и другие языки романской группы – румынский, провансальский, каталанский.

Известно, что ни одна культура, ни один язык не могут развиваться в изоляции, поскольку любая национальная культура и язык являются результатом как внутреннего развития, так и взаимодействия с культурами других народов. Более того, связи между народами – политические, торговые, экономические, культурные – являются необходимым условием для развития языков, обогащения их лексики через заимствования.

В свою очередь, русский язык тоже стал источником для пополнения словарного запаса языков многих народов, проживавших на территории Российской Империи, а затем – Советского Союза. Так, в языки тюркских народов, в частности в киргизский, вошли через русский язык многие слова романского происхождения: французское *монпансье* (кирг. *момпасуй* – конфета), итальянское *газета* (кирг. *гезит*), испанское, точнее аравакское, *тобасо* – *табак* (кирг. *тамеки*) и другие.

Романские заимствования ничуть не обеднили русский язык, не сузили его национальную сущность, а наоборот, обогатили новыми терминами и понятиями, внесли в его звучание яркие краски и нюансы. Более того, заимствованные слова и выражения выступили как своеобразный «срез» самобытной культуры народов романского ареала и тем самым способствовали расширению кругозора людей, оказали воздействие на интеллект и мышление. И тут уместно вспомнить слова В.А. Жуковского, считавшего, что «всякое новое слово, сильно и живо изображающее новую мысль, есть такое же откровение, как и сама мысль; как вылетает искра из кремня от удара стали, так и мысль и слово вылетают из души от удара вдохновения [41]».

Заимствования играют важную роль и в изучении родного языка. Они помогают понять, как он формировался и развивался, а по характеру и объему заимствований можно проследить пути его исторического развития, выявить связи с другими языками, их лексикой, синтаксисом, фразеологией. Являясь результатом длительного исторического взаимодействия, романские заимствования обогатили русский язык новой лексикой, способствовали расширению его коммуникативных и экспрессивных возможностей.

## Цитируемые источники

1. *Тронский И.М.* Латинский язык // Краткая литературная энциклопедии: в 9 т. Т. 4. М.: СЭ, 1967.
2. *Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с немец. М., 1964–1973.
3. *Петр I.* Письмо послу Рудаковскому. URL: <http://ru.wikipedia.org>
4. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1975.
5. *Гоголь Н.В.* Рим // Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1984.
6. *Боткин В. П.* Письма об Испании. Л.: Наука, 1976.
7. *Виноградов В.В.* Русский язык // Краткая литературная энциклопедии: в 9 т. Т. 6. М.: СЭ, 1967.
8. *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 2 т. Т. 1. М., 2012.
9. А.С. Пушкин о литературе. Избранное / под. ред. С.М. Петрова. М., 1977.
10. *Вяземский П.А.* Стихотворения («Библиотека поэта»). М.–Л., 1962.
11. *Лермонтов М.Ю.* А.А. Углицкой // Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1958.
12. *Васильчиков П.П.* Тургенев в революционном Париже 1848 года // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1988.
13. Дневники П.И. Чайковского / подг. к печ. Ип.И. Чайковским. М., 1923.
14. *Гоголь Н.В.* Ревизор // Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1984.
15. *Чехов А.П.* Тапёр // Собр. соч.: в 12 т. Т. 3. М., 1955.
16. *Лесков Н.С.* Дама и фефела. Собр. соч.: в 11 т. Т. 9. М., 1958.
17. *Тургенев В.С.* Рудин // Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. М., 1976.
18. *Грибоедов А.С.* Избранные произведения («Библиотека поэта»). М.–Л., 1961.
19. *Северянин И.* Стихотворения («Библиотека поэта»). Л., 1978.
20. *Бонфанте Дж.* Романизованное население Италии и германцы // Современное итальянское языкознание: сборник статей / под ред. Т.Б. Алисовой. М.: Прогресс, 1971.
21. *Natan Ejdelman, Julij Krelin.* Russia italiana – Rimini: Maggioli editore, 1987.
22. *Этерлей Е.Н., Кузнецова О.Д.* Неизвестное в известном (Рассказы о словах). Л.: Наука, 1979.

23. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. М.: СЭ, 1990.
24. *Пушкин А.С.* // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Письма 1815–1830 годов. М.: Художественная литература, 1977.
25. *Костюкович Е.А.* Еда: итальянское счастье. М.: Эксмо, 2006.
26. *Бродский Иосиф.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2012.
27. Краткий словарь иностранных слов / сост. С.М. Локшина. М.: Русский язык, 1979.
28. *Маяковский В.В.* Во весь голос // Стихотворения. Т. 3. Л.: Советский писатель», 1955.
29. *Гуннемарк Э.В.* Искусство изучать языки / пер. со швед. СПб.: ТЕССА, 2001.
30. *Сервантес М.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 1–2. М., 1976.
31. *Левашова О.Е.* Михаил Иванович Глинка: в 2-х кн. Кн. 2. М., 1988.
32. *Сапрыкина О.А.* Лексикология португальского языка. М., 2007.
33. *Tatiana V. Tchouboukova.* Lésico russo na língua portuguesa. Aspecto histórico-cultural. Polifonia, Lisboa Edições Colibri n. 4. 2001. Pp. 183–192.
34. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1970.
35. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. I. Стихотворения, 1913–1924. М., 1974.
36. *Руссо М.* Брынза, морс и кацап // История слов по понедельникам. № 15 (13 октября 2008 года): URL: <http://www.ezhe.ru/issue060.html>
37. *Ильф И.А., Петров Е.П.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М., 1961.
38. *Вельтман А.Ф.* Воспоминания о Бессарабии: URL: [http://www.az.lib.ru/w/welxtman\\_a\\_f/text\\_0080.shtml](http://www.az.lib.ru/w/welxtman_a_f/text_0080.shtml)
39. *Пушкин А.С.* О поэзии классической и романтической // Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М., 1976.
40. *Шайтанов И., Афанасьева О.* Урок по Средним векам. Куртуазная поэзия. Примечания // Зарубежная литература 10–11 классы: элективный курс. См.: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Трубадуры>.
41. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999.



## Глава II. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ И МОРФОЛОГИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

### 1. Итальянская, испанская, португальская лексика: сходство и различие

Известно, что основу романских языков составляет латынь, однако степень ее «присутствия» в них различна. Наиболее близок к языку древних римлян – итальянский; он является своего рода его прямым наследником. Затем, по мере удаленности от метрополии, если идти на запад, влияние латыни постепенно ослабевало: провансальский, каталанский, испанский, португальский.

Но не только удаленность выступает здесь как фактор уменьшения роли латыни на формирование новых языков. Не менее важна приверженность народов, населявших ту или иную римскую провинцию, к сохранению своего, уже бытовавшего до римской гегемонии языка, а также исторические процессы – вторжения иноземцев, политическая и экономическая зависимость, культурные связи и прочее. Так, на формирование испанского языка значительное влияние оказал арабский язык: около восьми столетий большая часть Испании находилась под арабским игом, и только в конце XV века страна полностью обрела независимость, что, естественно, отразилось на лексическом фонде языка. Определенную роль в формировании французского и итальянского языков сыграли языки представителей германских племен, так называемых варваров, – готов, франков, лангобардов. Правда, их влияние на языки народов, населявших Пиренейский полуостров, было незначительным.

Жители территории современной Испании познакомились с латинским языком благодаря римским торговцам, поселенцам, солдатам, представителям администрации. Смешиваясь с языками других народов – иберийцев, кельтов, карфагенян, народная латынь послужила основой для формирования испанского языка, который в последующие годы обогатился лексикой вестготов, арабов, а также французов и итальянцев. Из числа вестготских заимствований можно отметить военные и социальные термины, а также некоторые слова повседневного обихода: *guerra* (*война*),

tregua (*перемирие*), espuela (*шпора*), sayón (*палач*), embajada (*посольство*), heraldo (*глашатай*), bando (*приказ, указ*), casta (*род*), orgullo (*гордость*), falda (*юбка*), gora (*одежда*), guesa (*прялка*), tapa (*крышка*), ufano (*чванливый*), escanciar (*угощать вином*) и др.

Однако в испанском языке больше всего заимствований из арабского – по мнению специалистов, около четырех тысяч испанских слов имеют арабские корни. Особенно это заметно в словах, начинающихся на ‘al’ (артикл арабского языка) и относящихся к сфере администрации (alcalde – *мэр*, alguacil – *судебный исполнитель*, aldea – *деревня*), торговли (almacén – *магазин*, arancel – *тариф, расценка*, almoneda – *аукцион*) и строительства (albañil – *каменщик*), azotea – *плоская крыша*, azulejo – *изразец*, alcantarilla – *сточная труба*).

В конце XX века лексический фонд испанского языка, как, впрочем, португальского и итальянского, пополнился словами английского происхождения (бизнес, электроника, компьютерные технологии и т. п.). Интересно отметить, что лексический фонд испанского языка включает множество слов, восходящих к латинским корням, исчезнувшим в большинстве романских языков, например: лат. comedere > исп. comer – *есть, кушать*, mensa > исп. mesa – *стол*, metus > исп. miedo – *страх*, formosus > исп. hermoso – *красивый*, fabulari > исп. hablar – *говорить*, materia > исп. madera – *древесина* [1].

Не столь значительным оказалось влияние арабского языка на португальский. Португалия стала независимым государством почти на два века раньше Испании. История формирования этого языка уходит во времена Римской империи, когда заселявшие земли нынешней Португалии лузитаны подвергались романизации; они восприняли культуру и, прежде всего, народно-разговорный латинский язык римлян. Более поздние завоеватели этих земель – германские племена и арабы, естественно, тоже оказали влияние на формирование языка местного населения, но не изменили его первоначальной основы. Письменное выражение португальский язык получает в пору первого португальского государства, центром которого было португальское графство со столицей в Порту. В эпоху классика и одного из создателей литературного языка Луиса Камозанса (1524/25–1580) португальский язык обо-

гатился множеством слов из классической латыни и греческого, что было характерно для эпохи Возрождения. В XIX–XX веках португальский язык перенял многие галлицизмы и англицизмы.

Примечательно, что до сих пор в португальском словаре сохраняются слова языков доримских колонистов – греческих, финикийских, карфагенских, а также слова кельто-иберийского происхождения. Большое влияние на португальский язык оказал испанский, который в течение многих лет использовался в Португалии в качестве литературного языка. Не избежал он и французского влияния [2].

Несколько иная картина наблюдается в итальянском языке. Базовую основу его вокабулярия составляют слова латинского происхождения. Вместе с тем, постоянным источником его пополнения служили многочисленные диалекты, которые не утратили своего значения и по сей день. Из них заимствовались слова для обозначения реалий той или иной местности, либо экспрессивные, стилистически окрашенные слова и выражения.

Греческая лексика пришла в итальянский язык через народную латынь, особенно в ту пору, когда усилилось влияние Византии. Среди греческих заимствований чаще всего встречаются философские, литературоведческие, медицинские и научные термины. В качестве примера приведем лишь некоторые слова, начинающиеся на букву ‘а’: *acrofobia*, *adenoma*, *afelio*, *aforisma*, *agnosticismo*, *agonia*, *allegoria*, *allergia*, *alogeno*, *anodo*, *anticlericalismo*, *antonimo*, *apatia*, *apostolo*, *architetto*, *ascetismo*, *astronauta*, *ateo*, *atomismo*, *atomo*, *atrofia*. Кроме того, грецизмы представлены здесь названиями научных дисциплин (*ateismo*, *biologia*, *estetica*, *fisica*, *geografia*), учреждений (*accademia*, *biblioteca*, *chiesa*), животных (*coccodrillo*, *leopardo*), спортивными терминами (*acrobata*, *palestra*) и т. д. Характерным признаком многих греческих слов являются их окончание на **-ma**, **-ta**: *clima*, *teorema*, *problema*, *sistema*, *dramma*, *poeta*, *profeta* и др. Отметим характерную особенность этих слов: в итальянском языке все они относятся к мужскому роду. Большинство из вышеназванных греческих заимствований вошли во многие европейские языки, в т. ч. в испанский и португальский.

Немало в итальянском языке и германизмов (около 700 слов). Их появление было связано с началом опустошительных нашествий варваров, представителей различных германских народов – готов, лангобардов, франков. Среди готских заимствований можно встретить такие слова, как *banda* – *банда*, *briglia* – *уздечка*, *battere* – *бить*, *crusca* – *отруби*, *elmo* – *шлем*, *nastro* – *лента*, *scarpa* – *башимак*, *spia* – *шпион*, *stalla* – *стойло*, *tacco* – *каблуток*, *tasca* – *карман*. Благодаря лангобардам итальянский словарь пополнился примерно 280 лексическими единицами, в том числе: *sala* – *зал*, *balcone* – *балкон*, *fodera* – *наволочка*, *bicchiere* – *стакан*, *panca* – *скамья*, *fiasca* – *бутыль*, *fazzoletto* – *платок*, *spruzzare* – *брызгать*, *slitta* – *сани*, *zaino* – *ранец*. Достаточно в итальянском языке и франкских слов, в том числе и таких распространенных, как *bosco* – *лес*, *guardare* – *смотреть*, *guerra* – *война*, *quanto* – *перчатка*, *fresco* – *свежий* [3]. Отметим, что многие германизмы начинаются на буквосочетания *sch*, *sp*, *st* или *gu* + *гласный*: *scherzo* – *шутка*, *schiena* – *спина*, *sprone* – *шпора*, *stivale* – *сапог*, *guardiano* – *сторож*, *guadagno* – *заработок*, *guaio* – *беда* и др. Многие из названных слов вошли также в испанский и португальский языки (*guerra*, *guardia*, *elmo*, *spia* и др.).

Арабизмов в итальянском языке значительно меньше, чем в том же испанском или португальском, однако в нем есть и ранние арабские заимствования, которые отсутствуют в других романских языках. Наряду с научной терминологией, относящейся к астрономии, математике, химии, среди итальянских арабизмов немало слов, связанных с военным делом, мореходством, торговлей: *azimut*, *nadir*, *zenit*, *algebra*, *algoritmo*, *cifra*, *zero*, *alcali*, *alchimia*, *alcol*, *elesir*, *alfiere* – *знаменосец*, *ammiraglio* – *адмирал*, *assassino* – *убийца*, *dogana* – *таможня*, *magazzino* – *склад*. Среди других арабских заимствований мы находим названия домашней утвари (*caraffa* – *графин*, *giara* – *кувшин*, *tazza* – *чашка*, *materasso* – *матрас*); одежды (*caffettana* – *кафтан*, *giubba* – *куртка*); фруктов, овощей и пряностей (*albicocca* – *абрикос*, *arancia* – *апельсин*, *carciofo* – *артишок*, *limone* – *лимон*, *marzapane* – *марципан*, *zafferano* – *шафран*) и др. [4].

Для сравнительного анализа лексики итальянского, испанского и португальского языков нами было взято около 500 слов

в каждом из них, относящих к разным сферам жизнедеятельности человека, с одной стороны, и к различным частям речи – с другой. Сопоставляя эти слова по степени их сходства или различия, можно было выявить следующие закономерности и, в соответствии с ними, разделить их на ряд групп.

В первую группу вошли слова идентичные по правописанию, но имеющие лишь небольшие отличия в произношении. Таких слов немного. Приведем некоторые из них: campo – поле, lago – озеро, onda – волна, casa – дом, pala – лопата, guerra – война, mosca – муха, mulo – мул, odio – ненависть, pagina – страница, verde – зеленый, calvo – лысый, carne – мясо, zona – зона, zodiaco – зодиак, durante – в течение.

Более широкий спектр лексических единиц мы находим во второй группе, в которую входят слова с небольшим отличием в написании (выпадение конечной гласной, замена одной буквы другой, отказ от удвоения согласной и др.). Сюда входят названия объектов окружающей среды, времен года, животных, предметов повседневного быта, оружия, а также сам человек, части его тела, чувства, эмоциональные состояния и т. д.

Русский	Итальянский	Испанский	Португальский
солнце	sole	sol	sol
земля	terra	tierra	terra
мир	mondo	mundo	mundo
море	mare	mar	mar
весна	primavera	primavera	primavero
зима	inverno	invierno	inverno
лошадь	cavallo	caballo	cavalo
кот	gatto	gato	gato
петух	gallo	gallo	galo
кинжал	pugnale	puñal	punhal
мешок	sacco	saco	saco
сумка	borsa	bolsa	bolsa
любовь	amore	amor	amor
дядя	zio	tio	tio
ученик	alunno	alumno	aluno
корабль	nave	nave, navio	navio
белый	bianco	blanco	branco

Сюда же можно отнести и многочисленные глаголы, которые отличаются от итальянских слов (в испанском и португальском

языках) лишь отсутствием конечной гласной *e*: pagare – pagar, vendere – vender, dare – dar, cantare – cantar; andare – andar, dormire – dormir и т. д.

Самую обширную группу лексических единиц можно выявить в однокоренных словах, которые претерпели значительные трансформации, сохранив при этом корневую основу преимущественно латинского происхождения.

<b>Русский</b>	<b>Итальянский</b>	<b>Испанский</b>	<b>Португальский</b>
человек	uomo	hombre	homen
наука	scienza	ciencia	ciencia
площадь	piazza	plaza	praça
народ	popolo	pueblo	povo
деньги	denaro	dinero	dinheiro
яйцо	uovo	huevo	ovo
огонь	fuoco	fuego	fogo
слово	parola	palabra	palavra
сахар	zucchero	azúcar	açúcar
дерево	albero	árbol	árvore
нога (ступня)	pie	pie	pé

Сравнивая слова трех романских языков, можно заметить одну характерную деталь: слова испанского и португальского языков часто схожи между собой при общем отличии от итальянских лексем. Это вполне объяснимо – Испания и Португалия всегда были близки друг другу не только в территориальном и историческом отношении, но и по многим другим факторам. Заметим также, что 90 % современной лексики испанского и португальского языков имеют романское происхождение. Приведем примеры:

<b>Русский</b>	<b>Итальянский</b>	<b>Испанский</b>	<b>Португальский</b>
лето	estate	verano	verão
серебро	argente	plata	prata
женщина	donna	mujer	mulher
туфли	scarpe	zapatos	sapatos
страх	paura	miedo	medo
завтра	domani	mañana	amanhã
выходить	uscire	salir	sair

Близости языков способствует и тот факт, что в португальском языке немало слов, вошедших в него из испанского, на-

пример: caballero – cavalheiro (*кавалер*); ganadero – ganadeiro (*гренадер*); hombredad – hombridade (*мужество, благородство*); pronunciamiento – pronunciamento (*произношение*); llaneza – lhaneza (*искренность, откровенность*); antano – antanho (*предшествующий год*). К ним можно прибавить испанские слова-реалии: pastilha, fiambre, mantilha, manilha, castanholas, fandango, seguidilha, zarzuela, jota, cavalheiro, caramba! [5].

В ряде случаев можно наблюдать противоположное явление: близость итальянских и испанских слов при их отличии от португальских, имеющих иную этимологию. Таковы, например, португальские слова jantar – *ужин* (ит., исп. cena), comboio – *поезд* (ит. treno, исп. tren), garrafa – *бутылка* (ит. bottiglia, исп. botella). Особо следует сказать о наименовании дней недели в португальском языке от понедельника до пятницы – они отличаются от соответствующих им слов других романских языков. Так, ит. *lunedì*, исп. *lunes*, франц. *lundi* соответствует португальское *segunda-feira*, что означает *второй день*. Далее следуют *terça-feira* – *третий день*, *quarta-feira* – *четвертый день* и т. д. Сохраняют общую корневую основу лишь слова *суббота* (sabato – sábado – sábado) и *воскресенье* (domenica – domingo – domingo).

То же самое можно сказать о сходстве некоторых итальянских и португальских слов при их коренном отличии от испанских:

Русский	Итальянский	Испанский	Португальский
собака	cape	perro	cão
свинья	porco	cerdo	porco
голод	fame	hambre	fome
худой	magro	delgado	magro
дорогой	caro	querido	caro, querido
масло ( <i>раст.</i> )	olio	aceite	oleo

Следует отметить, что наряду со словами, вошедшими в португальский язык из латыни в римскую эпоху, в нем присутствует немало слов, пополнивших его вокабулярий в более поздние времена, но теперь уже из итальянского языка (часто через посредство испанского). Часть этих заимствований связана с мореходством и военным делом (piloto – *лоцман*, galera – *галера*, amainar – *спускать паруса* (ср. рус. *майна*), escolho – *подводный*

камень, риф, bussola – компас, escopeta – ружье, sentinela – часово-вой, рагарейто – бруствер, escaramuça – перестрелка, infantaria – пехота. Другие заимствования – это музыкальные термины, многие из которых вошли также и в русский язык и поэтому не нуждаются в переводе: piano, soprano, tenor, cantante, madrigal, capricho, а также ряд слов, связанных с другими видами искусств и литературой: arlequim, grotesco, novela, soneto, fachada – *фасад*, desenho – *рисунок*, dileitante. В последние годы португальский словарь пополнился рядом новых итальянских слов: pizza – *пицца*, lasanha – *лазанья*, puta – *проститутка*, шлюха (от ит. puttana), máfia – *мафия* и др.

Различие между словами испанского и португальского языка можно объяснить их этимологией. В основе многих испанских слов лежат арабские корни, в то время как португальский язык сохраняет латинские: испанское слово alfombra – *ковер* произошло от арабского al hanbal, в то время как португальское tapete от латинского tapēte. Другой пример: исп. albañil, порт. pedreiro – *каменщик*. Более того, даже при общих латинских корнях можно обнаружить некоторую дифференциацию: испанцы отдавали предпочтение одним словам, а португальцы другим (их синонимам). Например, calle, rua – *улица* (лат. callis, ruga); ventana, janela – *окно* (лат. vēntu, jānuella); olvidar, esquecer – *забывать* (лат. oblītare, excadēscere).

Однако есть примеры, когда заимствования из латинского фонда сближали испанский и португальский языки в отличие от соответствующих понятий других романских языков. Так, испанские слова hermano, hermana и португальские irmão, irmã – *брат, сестра* происходят от латинского germanus – *родной, единокровный*, в то время как итальянские fratello, sorella или французские frère, sœur берут начало от латинских слов: frāter, sōrog [6].

Наиболее интересную и характерную, на наш взгляд, лексическую группу трех рассматриваемых языков составляют слова, образованные от разных, несхожих друг с другом корней – латинских (большинство), греческих (palestra), германских (falda, borrow), арабских (alcalde, almacén, fachino, ragazza), французских (chefe), иберийского происхождения (zorra) и др.



Русский	Итальянский	Испанский	Португальский
стул	sedia	silla	cadeira
кирпич	mattone	ladrillo	tijolo
мотыга	zappa	azada	enxada
шляпа	cappello	sombrero	chapéu
юбка	gonna	falda	saia
яблоко	mela	manzana	maçã
слива	prugna	ciruela	ameixa
морковь	carota	zanahoria	cenoura
мэр	sindaco	alcalde	prefeito
начальник	capo	superior, jefe	chefe
носильщик	facchino	mozo	carregador
девушка	ragazza	muchacha	moça, rapariga
лисица	volpe	zorra	raposa
птица	uccello	pàjaro	ave
магазин	negozio	tienda, almacén	loja
спортзал	palestra	sala de deportes	ginásio
близко	vicino	pròximo	perto
приезжать	arrivare	llegar	chegar
плакать	piangere	llorar	chorar
стереть	asciugare	borrar	apagar

В каждом языке есть слова, которые в других языках, в том числе и родственных, образованы от иных корней. Среди таких характерных слов португальского языка можно назвать: *facas* – *нож*, *bode* – *козел*, *mala* – *чемодан*, *pescoço* – *шея*, *cedo* – *рано*, *quintal* – *двор*, *charua* – *плуг*, *panela* – *кастрюля*, *devagar* – *медленно* и др. К ним можно прибавить слова-реалии: *tourada* – *бой быков* (португальская коррида), *vira*, *chula* – *вира*, *шула*, (народные танцы), *fado* – *фаду* (жанр народной песни), *vinho do Porto* – *портвейн*, *vinho de Madeira* – *мадера*, *alheiras* (чесночные колбаски из нескольких сортов мяса), *folares* (хлебные лепешки) и др.

Назовем также некоторые итальянские слова-реалии, которые не только вошли в испанский и португальский, но и во многие другие языки мира: *pasta*, *ravioli*, *maccheroni*, *cappuccino*, *grappa*, *gondola*, *laguna*, *tarantella*, *barcarola*, *belcanto*, *tarocchi*, *arlecchino* и т. д.

Сходство и различие лексики языков выявляется и в принципах словообразования. В романских языках они одинаковы: слова образуются через посредство суффиксов и префиксов латинского или греческого (реже) происхождения, либо путем сложения

основ. Суффиксы итальянского, испанского и португальского языков близки друг другу, а некоторые из них даже идентичны. Таковы, к примеру, аффиксы имен существительных **-ista** (pianista – пианист), **-ismo** (socialismo – социализм), **-ura** (altura – возвышенность). Другие суффиксы, выполняя одну и ту же функцию, имеют лишь небольшие отличия в правописании и произношении. Так, итальянскому **-zione** (русский *-ция*) соответствует испанский **-cion** и португальский **-ção**: stazione – estación – estação (станция, вокзал), а общему для итальянского и португальского языков суффиксу **-mento** близок испанский аналог **-miento**: movimiento – movimiento (движение). Подобную картину можно наблюдать и в суффиксах **-tore** (-dor, -dor); **-iere** (-iero, -eiro); **-ame** (-aje, -agem): lottatore – luchador – lutador (борец); ingegnere – ingeniero – engenheiro (инженер); fogliame – follaje – lolhagem (листва).

Много общего можно обнаружить и в суффиксах субъективной оценки – уменьшительно-ласкательных, увеличительных, уничижительных. Так, итальянскому уменьшительному суффиксу **-ino** (-ina) соответствуют испанские и португальские аналоги **-ito** (-ita) или их разновидности: signorina – señorita – senhorita (девушка); un pochino – un poquito – um pouquinho (немножко). А увеличительный суффикс **-ona** является общим для всех трех языков: donna – mujerona – mulherona, mulheraça (крупная женщина, бабница). Обнаруживаются соответствия и среди уничижительных суффиксов; так, итальянскому аффиксу **-accio** соответствует испанский **-ota** и португальский **-ão**: parola – palabrota – palabrão (грубое слово, ругательство).

Аналогичная картина наблюдается в использовании префиксов – во всех трех языках они латинского или греческого происхождения. Иногда префиксы не отличаются от первоисточников, но чаще приобретают специфическую национальную окраску. Так, латинский суффикс **sub-** (снизу) сохраняется в испанском и португальском языках (subsuelo, subsolo – недра), но трансформируется в **sotto-** в итальянском (sottosuolo). В других случаях налицо противоположное явление. Например, латинский корень **in-** сохраняется в итальянском, но приобретает форму **en-** в ис-

панском и португальском: *innamorata* – *enamorada* – *влюбленная*. Нечто подобное происходит и с приставкой *dis-* (означает отрицание), которая в испанском и португальском языках преобразуется в *des-*: *diffidare*, *desconfiar* – *не доверять*. Латинская основа сохраняется, например, в префиксах *anti-* и *vice-*: *anticorro* (ит., порт.), *anticuerpo* (исп.) – *антитело*; *vicerettore*, *vicerrector*, *vice-reitor* – *проректор*.

Сходство в принципах словообразования можно выявить и в методе сложения основ. Например, русским словам *небоскреб* и *ледокол* соответствуют итальянские *grattacielo*, *rompighiaccio*, испанские *gascacielos*, *rompehielos* и португальские *arranha-céus*, *quebra-gelos*.

Подводя итог следует отметить, что близость лексики итальянского, испанского и португальского языков определяется двумя факторами: с одной стороны – это единая латинская основа, с другой – общий круг заимствований (арабизмы, грецизмы, германизмы, галлицизмы), однако степень этих заимствований у них различна. Вместе с тем, каждый из трех названных языков постоянно обогащался за счет лексики языков и диалектов своего ареала. Особенно сильное взаимовлияние отмечено между испанским и португальским языками.

Необходимо также принять во внимание и экстралингвистические факторы – географическое положение, территориальную близость, климат, историческое прошлое, род занятий (в частности мореплавание), культурные, экономические, политические связи и т. д. Факторов, повлиявших на различия в лексике трех языков немного больше.

Во-первых, это влияние языков племен и народов, населявших данный регион Средиземноморья еще в доримскую эпоху – этрусков, лигуров, иберов, лузитан, кельтов, карфагенян и многих других, включая финикийцев. Смешиваясь с народной и классической латынью, речь этих народов внесла тот характерный элемент в современные романские языки региона, который и придает им неповторимый колорит и своеобразие.

Во-вторых, лексические различия могут быть определены и степенью воздействия заимствований из других языков, на-

пример, арабского или вестготского: в каждом из трех языков их «присутствие» различно. Больше всего арабизмов в испанском языке, меньше всего – в итальянском. И, наоборот, германских заимствований больше всего в итальянском языке, особенно, в диалектах Северной Италии.

В-третьих, пополнение лексики рассматриваемых нами языков продолжалось и в новые времена – в эпоху великих географических открытий и образования колоний. Именно в это время испанский и португальский языки обогатили свой словарь словами из языков американских индейцев, народов Африки и Юго-Восточной Азии. Особенно сильно это влияние проявилось в странах Южной и, частично, Северной Америки, где испанский и португальский языки заметно отличаются от языков, на которых говорят сейчас в Испании и Португалии.

Кроме того, следует учесть и тот факт, что даже в рамках общих латинских истоков, нередко можно встретить слова, означающие одно и то же понятие, но совсем не похожие друг на друга. Возьмем, к примеру, слово *ножницы* (ит. forbici, исп. tijeras, порт. tesoura) – все они берут начало от латинского выражения forfices tonsorias (forfex) – *ножницы для стрижки*, которое, в свою очередь, восходит к глаголу tondeo – *стричь, брить* [7].

На различие лексических единиц в их произношении, а часто и в правописании, влияют фонетические факторы. Так, по сравнению с латинским и итальянским, в испанском и португальском глухие интервокальные согласные озвончаются: lupō – lobo; cipolla – cebolla – cebola; amico – amigo [8]. Озвончение согласных происходит также в сочетаниях *bl, pl, lm, cr, pr, gl, tr* (в том числе, в испанском и португальском языках): blanco – branco, plaza – praça, almacén – armazén, lacrima – lagrima, sacro – sagrado, sopra – sobre, iglesia – igreja, vetro – vidro.

Общая этимология, пути исторического развития, территориальная близость и взаимовлияния определили как сходство, так и различие лексики трех великих языков современности – итальянского, испанского и португальского.

## 2. Формы выражения вида и времени в романских языках

Одной из характерных особенностей романских языков является наличие развитой системы глагольных времен. Так, в изъявительном наклонении итальянского, испанского и французского языков их восемь, а в португальском – десять. Несколько меньше времен в индикативе румынского языка. Чем же объясняется такое изобилие времен? Прежде всего, латинским происхождением и отсутствием категории вида. Классическая латынь располагала шестью временными формами изъявительного наклонения – они и послужили основой для всех романских языков. Назовем их: настоящее время (*praesens*), три формы прошедшего времени – прошедшее совершенное, или перфект (*perfectum*), прошедшее несовершенное, или имперфект (*imperfectum*), предпрошедшее, или плюсквамперфект (*plusquamperfectum*) и две формы для будущего времени – будущее первое (*futurum simplex*), будущее второе (*futurum exactum*). К этим шести временам во многих романских языках прибавились и другие временные формы. К примеру, в итальянском – прошедшее ближайшее (*passato prossimo*) и его производное – предпрошедшее (*trapassato prossimo*). Более того, в итальянском, испанском и португальском языках существуют устойчивые глагольные конструкции видового значения (по другой терминологии – перифразы или описательные спряжения). Самое интересное, что во французском языке эти перифразы получили статус обычных глагольных времен изъявительного наклонения (*futur immédiat*, *passé immédiat*, *plus-que-parfait immédiat* и др.).

### 2.1. Выражение вида

Наличие такого значительного количества времен не только в какой-то степени компенсирует отсутствие категории вида, но и дает возможность указать на характер протекания действия, а именно – отметить его завершенность или незавершенность, указать на то, что одно действие было осуществлено раньше другого. В ряде случаев, как, например, во французском, ближайшем

прошедшем времени (*passé immédiat*), можно представить действие, которое только что совершилось:

*Nous venons de retrer. – Мы только что пообедали.*

Вид – это грамматическая категория, при помощи которой морфологическими средствами выражается характер протекания во времени действия, обозначенного глаголом. Широкий диапазон значений, указывающих именно на этот характер мы находим в различного рода перифразах (с герундием, инфинитивом, причастием). Эти перифразы могут указывать на начало действия, в том числе резкое или внезапное его возобновление или повторение, интенсивность протекания действия, либо постепенное его развитие, приближение к конкретной цели, а также длительность действия и его завершение. В данном феномене можно усмотреть связь современных романских языков с индоевропейским праязыком. На эту особенность указывал в свое время видный французский лингвист Ж. Вандриес: “Индоевропейский язык стремился указать не столько время, сколько длительность. Его интересовало в действии не то, в какой момент (прошедший, настоящий или будущий) совершается действие, но он отмечал, как рассматривалось это действие – в его длительности или же только в одном мгновении его развертывания, было ли это началом действия или же его концом, осуществилось ли оно только один раз или же оно повторялось, имело ли оно конечный предел и результат или нет” [9]. Из сказанного следует, что индоевропейский праязык выражал главным образом вид, а выражение времени нашло более детальную разработку в латинском языке, а через него – во многих европейских языках, причем не только в романских.

### *Конструкции с герундием*

Что же такое вид и как он проявляет себя в романских языках? По определению Лингвистического энциклопедического словаря, вид – это “грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, как протекает во времени или как распределяется во времени обозначенное глаголом действие” [10]. Обычно характер протекания действия выражается морфологическими

средствами, которыми могут быть префиксы, суффиксы, временные формы глагола. Так, в русском языке категория вида получает выражение в глагольных парах при помощи префиксов, в результате чего при одном и том же лексическом значении выделяются разные видовые характеристики: *делать* – *сделать*, *верить* – *поверить*, *слышать* – *услышать* и т. д.

В романских языках категория вида отсутствует, тем не менее, видовые значения в той или иной форме проявляют себя в устной и письменной речи. Они могут быть выражены лексически и синтаксически, то есть не морфологически. В первом случае это происходит за счет употребления так называемых предельных и непредельных глаголов: одни из них означают однократное действие, ограниченное пределом, другие – действие неопределенной длительности, представляемое в ходе его протекания. Так, в португальском языке к предельным можно отнести глаголы *nacer* – *рождаться*, *gomper* – *бить*, *rvать*, *rebentar* – *лопнуть*, а к непредельным – *andar* – *идти*, *esperar* – *ждать*, *buscar* – *искать*.

Во втором случае видовые значения проявляются при помощи особых глагольных конструкций, в которых находит отражение противопоставление значений (однократное действие – действие в его протекании) [11].

Вместе с тем, некоторые исследователи выделяют в ряде романских языков так называемый прогрессивный вид (англ. Continuous), изображающий действие в процессе его осуществления. Для реализации этого в испанском, португальском и итальянском языках широко используются перифразы с герундием, поскольку эта безличная форма глагола означает действие в самом процессе его протекания:

*Estoy escribiendo un artículo; Eu estou escrevendo o artigo; Sto scrivendo un articolo. – Я пишу (в данный момент) статью.*

Как видно из примера, перифразы с герундием абсолютно идентичны. Во всех трех случаях использовался глагол “*быть*” (исп., порт. – *estar*; итал. – *stare*) в личной форме с последующим герундием смыслового глагола. Эта перифраза очень распространена и может употребляться в различных временах. Нередко лингвисты включают ее в парадигму глагольного спряжения

наравне с аналитическими временными формами (например, во французском языке).

Другой “прогрессивной” конструкцией испанского и португальского языка является перифраза **ir + герундий**, указывающая на длительность и постепенность развития действия:

El enfermo va mejorando. – *Больному постепенно становится лучше.*

Eu vou convalescendo. – *Мое здоровье постепенно улучшается.*

Конструкция **andar + герундий** выражает в испанском, португальском и итальянском языках длительность привычного или повторного действия:

Andaba dando vueltas y vueltas en la cama. – *Он все ворочался с боку на бок в кровати.*

Anda dizendo da sua partida. – *Он поговаривает о своем отъезде отсюда.*

Tua madre ti va cercando di casa in casa. – *Твоя мать разыскивает тебя повсюду, бегая из дома в дом.*

Перифразы **seguir, proseguir (prossequir)** и **continuar + герундий** встречаются в испанском и португальском языках и выражают продолжение действия. Эти личные глаголы полностью сохраняют лексическое значение, но в отличие от русского языка сочетаются не с инфинитивом, а с герундием.

Seguiran luchando. – *Они будут продолжать борьбу.*

Meu pai um dia partiu, mas voltou para mia mãe, e continua voltando sempre. – *Мой отец тоже не раз уходил туда, но всегда возвращался к моей матери. (P. Coelho)*

В португальском языке часто встречаются перифразы с глаголом **ficar** (*быть, оставаться в каком-либо состоянии*) – **ficar + герундий** и **ficar a + инфинитив**, указывающие на длительность состояния или действия:

Dessa maneira o nome fica legado à pessoa. – *Таким образом, имя становится неотделимым от личности. (Machado de Assis)*

Используемые в данных перифразах глаголы, в частности португальские **estar, andar, ficar**, входя в состав именного сказуемого, выполняют связующую функцию так называемых полувспомогательных глаголов, поскольку они сохраняют и свое лексическое значение.



Перифразы с герундием встречаются не во всех романских языках. Как свидетельствует М. Скуартини, чаще всего они встречаются в португальском, испанском, галисийском (галего), итальянском, а также во французском, каталанском, ретороманском и окситанском (новопровансальском) [19].

### *Конструкции с инфинитивом*

Вторую обширную группу глагольных перифраз видового значения составляют конструкции с инфинитивом. Они используются для обозначения начала действия, его продолжения, возобновления, завершения либо выражают длительность действия. Так, в испанском языке употребляются глаголы **ponerse, echarse, echar, ir, volver, venir, acabar, llegar**; в итальянском – **stare, mettersi, prendere, darsi, cominciare, tornare, finire**; в португальском – **estar, andar, ir, começar, continuar, tornar, vir**. В большинстве случаев эти конструкции являются грамматизированными, поскольку их составные элементы – глагол в личной форме и последующий инфинитив передают одно грамматическое значение, а в предложении они выполняют функцию простого глагольного сказуемого.

Начнем с испанского языка, поскольку испанский инфинитив отличается широкой сочетаемостью. Начало действия передается в нем перифразами **ponerse a + инфинитив** – *начинать, приниматься за*; **echar (se) a + инфинитив** и **romper a + инфинитив** – *пуститься, броситься*. Заметим, что первая конструкция указывает на спокойное начало действия, а последующие – на резкое, неожиданное. Н. Попова отмечает, что эти конструкции употребляются во всех временах, но в перфектных они встречаются чаще, чему способствует их видовая характеристика. И если с глаголом **ponerse** могут употребляться любые глаголы без какого-либо ограничения, то с глаголами **echarse** и **romper** обычно употребляются глаголы, значение которых допускает неожиданное или резкое начало действия. Так, с глаголом **echarse** обычно комбинируются **andar** – *идти*, **correr** – *бежать*, **volar** – *летать*, **nadar** – *плавать*, **temblar** – *дрожать*, **llorar** – *плакать*, **reir** – *смеяться*; с глаголом **romper** употребляются **llorar, sollozar** – *всхлипывать*, **reir** [12].

Me pongo a trabajar. – *Я принимаюсь за работу*: Se echó a llorar. – *Она расплакалась*; Echó a correr. – *Он пустился (бросился) бежать*.

Заметим, что аналогичные конструкции встречаются и в итальянском языке. Так сочетания **buttarsi a + инфинитив** и **scoppiare a + инфинитив** обозначают резкое или внезапное начало действия, причем глагол обычно встречается в комбинации с глаголами ridere, piangere – *смеяться, плакать*:

La bambina scoppiò a piangere. – *Девочка разразилась слезами (расплакалась)*.

I ragazzi si buttarono a raccogliere i fiori. – *Дети кинулись собирать цветы*.

То же неожиданное действие выражается в конструкции **rôr-se a + инфинитив** в португальском языке: A criança rôs-se a chorar. – *Ребенок разразился плачем*.

Начало действия передает и конструкция **ir a + инфинитив**, но при условии, если она употребляется в простом прошедшем законченном времени (pretérito absoluto): Fue a preguntar. – *Он стал расспрашивать*.

Повторность действия передается через перифразу **volver a + инфинитив**, а перифразы **venir a + инфинитив** и **llegar a + инфинитив** служат для обозначения окончания действия, достижения результата:

¿Cuando volveremos a vernos? – *Когда мы опять увидимся?*

¡Ojalá vengan a reconciliarse! – *Хоть бы они, наконец, помирились!*

El espectáculo llegó a hacerse familiar a Daniel. – *Это зрелище, в конце концов, стало привычным для Даниэля*.

Некоторые перифразы служат дополнительными средствами не только видовой, но и временной, а даже модальной характеристики глагольного действия. Так, перифраза **ir a + инфинитив** обозначает будущее и будущее в прошедшем, иногда с модальным оттенком намерения или уверенности, а конструкция **acabar de + инфинитив** означает непосредственное прошедшее:

No te van a llevar. – *Тебя не увезут*; – Imaginé que iba a cansarse pronto. – *Я вообразил, что ему скоро надоест*.

Acababa de salir, cuando comenzó a llover. – *Он только вышел, как начался дождь.*

Аналогичные перифразы временного значения можно обозначающих также ближайшее будущее (Futur immédiat) и ближайшее будущее в прошедшем (Futur immédiat dans le passé), встретить и во французском языке [13]:

Attents-moi, je vais revenir. – *Подожди меня, я сейчас вернусь.*

Il sentait que quelque chose allait se passer. – *Он чувствовал, что что-то должно произойти.*

По сравнению с испанским, в португальском языке перифраз с инфинитивом меньше: португальцы отдают предпочтение конструкциям с герундием. В остальных случаях они очень близки испанским, в ряде случаев почти идентичны. Таковы, например, перифразы **ir + инфинитив**, выражающая ближайшее будущее; **acabar de + инфинитив**, передающая близкое прошедшее время и **vir a + инфинитив** указывающая на результат действия:

Eu vou sabê-lo. – *Я узнаю (сейчас) об этом*; Acabo de jantar. – *Я только что пообедал*; Vim a saber. – *Я (наконец) узнал.*

Другая перифраза – **estar para + инфинитив** выражает действие в ближайшем будущем или готовность и расположенность к его выполнению [14]:

Estou para ir. – *Я готов идти (Я вот-вот пойду)*; Estou para sair. – *Я готов (намереваюсь) выйти.*

В португальском языке употребляются также конструкции, указывающие на длительность, повторяемость действия – **andar a**; **passar a**, **estar a** с последующим инфинитивом или герундием:

Andas a aprender (aprendendo) linguas? – *Linguas e não só. – Ты учишь языки? – Не только языки.*

Espera aí um bocada, rapaz, estou a esciver a Maria. – *Посиди, дружище, выпей глоток, я пишу Марии. (Eça de Queiros)*

Как отмечает М. Родионова, употребление герундия вместо инфинитива в этих конструкциях более типично для бразильского варианта языка [15].

Начало или возобновление действия передаются посредством конструкций **começar + инфинитив** и **voltar + инфинитив**:

Vilela começou a mostrar-se sombrio. – *Вилэла стал более угрюмым. (Machado de Assis)*

O rapaz voltou a contemplar o silencio do deserto. – *И юноша снова принялся внимать безмолвию пустыни. (P. Coelho)*

И еще одна перифраза португальского языка – **parar (cessar) de + инфинитив**; она указывает на прекращение или завершение действия, выраженного инфинитивом: A criança parou (cessou) de chorar e sorriu. – *Ребенок перестал плакать и улыбнулся.*

Эта перифраза может употребляться с отрицанием **não**, обозначая продолжающийся характер действия [16]: A criança não parava (cessava) de chorar. – *Ребенок не переставал плакать.*

Много общего с испанскими и португальскими конструкциями обнаруживается и в перифразах видового значения итальянского языка. Они выражают начало действия, его повторяемость и конец. Для передачи начала действия используются сочетания **stare per; mettersi a; prendere a; darsi a; porsi a; attaccare a; cominciare col** с последующим инфинитивом, а также уже упомянутые **buttarsi a** и **scoppiare a + инфинитив**:

Stavo per andar via. – *Я собирался уходить*; Si é messo a scrivere. – *Он сел писать*; Ha preso a venir tardi. – *Он стал приходить поздно*; Cominciò con l'offendere tutti. – *Он начал с того, что всех оскорбил.*

Для выражения возобновления или повторения действия итальянцы используют конструкцию **tornare a + инфинитив**: Tornò a dire lo stesso. – *Он снова повторил то же самое.*

Примечательно, что аналогичная конструкция с глаголом **tornar** (вместо **volver**) встречается в испанском языке в странах Латинской Америки. Возможно, здесь сказалось влияние итальянского языка, распространенного там среди многочисленных итальянских эмигрантов, либо португальского, тоже имеющего такую конструкцию: Ela tornou a sorrir. – *Она снова улыбнулась. (P. Coelho)*

Конец действия выражается посредством перифраз **finire per + инфинитив** и **finire col + инфинитив**:

Finì per dire di sì. – *Кончилось тем, что он сказал «да».*

Следует отметить, что большинство вышеприведенных глаголов, сочетаясь с инфинитивом, не утрачивают своего лексического значения и выполняют функцию полувспомогательных гла-

голов. По этой причине данные конструкции принято называть лексико-синтаксическими.

Ряд перифраз итальянского языка указывает на интенсивность действия. К ним можно отнести сочетания **stare a (essere a) + инфинитив**, **restare a** или **rimanere a + инфинитив**.

Вместе с тем, в итальянском языке имеется несколько перифраз с временным значением, указывающих на завершение действие, его перфективность: **venire a, andare a, arrivare a + инфинитив**:

Venni a sapere che ci aveva anche lei la passione del rock and roll. – *Я узнал, что она тоже была без ума от рок-н-ролла. (А. Моравия)*

### *Конструкции с причастием*

Перифраз с причастием в романских языках немного. В отличие от конструкций с инфинитивом и герундием, они выражают не действие, а состояние, которое испытывает субъект или предмет в результате уже свершившегося действия. Более или менее часто такие конструкции встречаются в испанском языке. Так, результативность действия выражается конструкциями с переходными вспомогательными глаголами **dejar, llevar, tener**. По мнению Э. Левинтовой и Е. Вольф, причастие здесь характеризует вызванное действием состояние объекта и по этой причине оно согласуется с прямым дополнением:

Aguel saludo le dejaba invadido de tristeza. – *Это приветствие наводило на него грусть.*

El traje, las barbas, la gordura y pequeñas del gobernador tenía admirada a toda la gente. – *Одежда, борода, тучность и малый рост нового губернатора изумляли всех.*

Напротив, в конструкциях с переходными вспомогательными глаголами **estar, quedar, resultar** причастие характеризует результативность состояния объекта и поэтому согласуется с подлежащим [11]:

La puerta estaba cerrada. – *Дверь была закрыта. Quedaron desengañados. – Они были (остались) разочарованы.*

Синонимичны конструкции **estar + причастие** перифрастические сочетания с выступающими в качестве полувспомогатель-

ных глаголами **verse** – *смотреться*, **encontrarse** – *находиться*, **hallarse**, **sentirse** – *чувствовать себя, находиться*, **mostrarse** – *показываться*. Эти глаголы частично сохраняют свое основное значение, что придает конструкциям тот или иной оттенок:

Las paredes se veían adornadas con cuadros. – *Стены были украшены картинами. (J. Valera)*

Cuando terminé de comer no me sentí más aliviado. – *Закончив обедать, я не почувствовал облегчения. (G.G. Márquez)*

Начало и повторение состояния передается посредством конструкций **ponerse + причастие** и **volverse + причастие** соответственно:

Paulina al oír esto, sin saber por qué, y sin poder disimularlo, se puso encarnada como una rosa. – *Услышав это, Паулина, не зная отчего и не сумев скрыть смущение, покраснела как мак. (C. Villaverde)*

Al amanecer, el viento volvió helado. – *На рассвете ветер снова стал холоднее. (G. G. Márquez)*

И еще три перифразы с глаголами **ir**, **venir**, **andar** и последующим причастием – все они с разными оттенками обозначают длительное состояние как результат какого-либо законченного действия: **ir** – направление вперед, **venir** – приход откуда-то, **andar** – привычный характер состояния [16].

Аналогичные конструкции есть и в португальском языке. Такова, к примеру, перифраза **andar + причастие** и **continuar + причастие**:

Notou também que o Inglês andava meio aborrecido sentindo falta de seus livros. – *Он также заметил, что англичанин явно скучал без своих книг. (P. Coelho)*

A rua já estava iluminada, os leitores saíram, mas ela continuava sentada. – *На улице уже горели ночные огни, читатели расходились, а она все сидела. (Tchinguiz Aitmatov; trad. de V. Tovpenets e M.A. Guerreiro Serafim)*

В португальском языке глагол **estar** в сочетании с другими причастиями образует конструкции, выражающее временное состояние или результат действия. В качестве причастий могут выступать глаголы: lavado – *вымытый*, atrasado – *опоздавший*, fechado – *закрытый*, aberto – *открытый*, aceso – *зажженный*,

sentado – *сидящий*, ocupado – *занятый*, deitado – *лежащий* и др. Все они согласуются в роде и числе с подлежащим.

Ela está ocupada agora. – *Она сейчас занята*; Os livros estão abertas. – *Книги открыты*.

Для выражения состояния в португальском языке используется конструкция **ficar + причастие**:

Fiquei apaixonado. – *Я влюбился*. O vaso ficou quebrado. – *Ваза разбита*. Ficou resolvido. – *Было решено*.

Грамматизированных перифраз с причастием в итальянском языке совсем немного. Так как итальянское причастие является пассивным, оно чаще всего используется для выражения страдательного залога, где, наряду с **essere**, используется вспомогательный глагол **venire**. Конструкции с этим глаголом, как отмечает Г. Абраменко, используются во всех простых временах – они подчеркивают процесс протекания действия [17]:

Molta frutta viene esportata all'estero. – *Многие фрукты экспортируются за рубеж*.

Anche Simeoni veniva giudicato innocuo. – *Симеони также считали невиновным*.

Кроме **venire**, иногда используются вспомогательные глаголы *rimanere*, *restare*, *trovarsi*. Обычно они сочетаются с причастиями непереходных и возвратных глаголов, имеющих активное значение. Образованные перифразы выражают завершённое действие, подводящее к началу некоего физического или психического состояния:

Agostino ubbedì e si trovò seduto sul fondo della barca. – *Агостино послушно сел на дно лодки*. (A. Moravia)

Иногда, в конструкции с глаголом **stare** вместо герундия используется причастие. Такое сочетание указывает на продолжённое действие (Continuous).

Gli amici stanno seduti al caffè in piazza Navona. – *Друзья сидят в кафе на площади Навона*.

## 2.2. Выражение времени

Категория времени, означающая отношение глагольного действия к одному из трех реальных временных планов – настоящее

му, прошедшему и будущему, характеризуется в романских языках большим разнообразием форм, особенно в изъявительном наклонении. Если в русском языке завершенность или незавершенность действия (в любом временном плане) выражается с помощью глаголов совершенного или несовершенного вида, то в романских языках такие значения (в плане прошлого) можно передать посредством глагольных времен – перфекта и имперфекта. Однако трактовать эти времена столь однозначно было бы неправильно, поскольку их функции, особенно имперфекта, более многозначны.

Так, в португальском и в ряде других романских языков имперфект, помимо выражения действия, не ограниченного временными рамками, то есть незавершенного, выполняет и иные функции, например, указывает на повторность или привычность действия, либо передает действие, служащее фоном для другого законченного действия, либо используется для обозначения двух параллельно совершающихся действия:

Nessa tarde, Maria jantava só no seu quarto, quando sentiu carruagens parando à porta. – *Тем же вечером Мария обедала у себя в комнате, когда вдруг услышала, как у дверей остановился экипаж. (Eça de Queiros)*

O conferencista falava e todos escultivam com grande atenção. – *Лектор говорил, и все его слушали с большим вниманием.*

Имперфект часто используется при описании, когда такое описание как бы создает фон для рассказа о последующих событиях:

Policrates governava a ilha de Somos. Era o rei mais feliz da terra. – *Поликрат правил островом Сомос. – Это был самый счастливый царь на земле. (Machado de Assis)*

O sol brilhava no céu, fazia calor, os prados estavam cobertos de flôres. – *В небе сияло солнце, было жарко, луга были покрыты цветами.*

Аналогичная картина наблюдается и других романских языках, в частности во французском:

Le jour baissait. A sette heure la plage était déserte. Le vent léger venait de la mer. – *День угасал, в этот час пляж был пуст. Легкий ветер дул с моря.*



Ближе всего к несовершенному виду русских глаголов имперфект румынского языка – в большинстве случаев он означает незавершенное действие:

Dimineața mă sculam devreme, mă înbrăcam repede, mîncam, luam autobuzul și plecam la complexul sportiv. – *Утром я вставал рано, быстро одевался, завтракал, садился в автобус и ехал в спортивный комплекс.*

Предпрошедшее время или плюсквамперфект обозначает действие в прошлом, которое предшествует другому прошедшему действию. Оно встречается не только в языках романской группы, а также в ряде других европейских языков, в частности в немецком. В испанском языке плюсквамперфект (Pluscuamperfecto) служит для выражения прошедшего законченного действия, причем временной интервал между ним и другим (последующим) действием, с которым оно соотносится, может быть как коротким, так и довольно долгим. Чаще всего это время используется в различных придаточных предложениях:

La señora estaba muy afligida porque yo **habia perdido** el Oficio Divino. – *Сеньора была очень огорчена тем, что я потерял Божественный дар. (R. Del Valle-Inclàn)*

В итальянском языке предпрошедших времен два – Trapassato prossimo и Trapassato remoto. Принципиальная разница между ними невелика. Что же касается употребления, то Trapassato remoto в современном итальянском языке используется редко и только в письменной речи. Более употребительно время Trapassato prossimo, встречающееся как в придаточных, так и независимых предложениях:

La cameriera della pensione andò subito dal farmacista il quale preparò le medicine che il medico **aveva prescritto**. – *Горничная пансионата сразу же пошла к фармацевту, который приготовил лекарства, которые доктор предписал. (V. Macchi)*

В португальском языке тоже два предпрошедших времени: одно из них простое, другое – сложное, то есть образуемое с помощью вспомогательных глаголов. Pretérito mais-que-perfeito composto – давнопрошедшее сложное (дословно: *прошедшее более-чем-совершенное*). Оно образуется почти так же, как ис-

панское Pluscuamperfecto и итальянское Trapassato prossimo, при помощи вспомогательного глагола *ter*, реже *haber* (исп. *haber*; итал. *avere* или *essere*), спрягаемого в имперфекте и причастия прошедшего времени смыслового глагола. Для наглядности приведем одно и то же предложение – *Я уже поужинал, когда он позвонил по телефону* – на португальском, испанском и итальянском языках:

Eu já tinha cenado quando êle telefonou.

Yo ya había cenado cuando él telefonó.

Avevo già cenato, quando egli telefonó (ha telefonato).

Приведем также в качестве примера предложение с использованием Pretérito mais-que-perfeito composto из романа португальского писателя, лауреата Нобелевской премии Жозе Сарамаго “Каменный плот” (“O jangada de pedra”):

Quando a Península Ibérica **se tinha separado** por completo da Europa, centenas milhares de turistas ... abundanaram precipitadamente, e deixando as contas por pagar, os hotéis, as residências, as casas... – *Когда Иберийский полуостров полностью отделился от Европы, сотни тысяч туристов ... опрометью, не тратя времени на оплату счетов, ринулись из своих отелей, мотелей пансионатов...*

В романских языках существуют также близкие по значению плюсквамперфекту так называемые “предшествующие” времена (итал. Futuro anteriore, исп. Pretérito anterior и порт. Futuro composto). Однако они отличаются от плюсквамперфекта тем, что указывают лишь на непосредственное предшествование своего действия по отношению к другому действию, совершаемому в том же временном плане – будущем или прошедшем (в испанском языке). Кроме того, эти времена употребляются только в придаточных времени, вводимых союзами, указывающими на непосредственное предшествование действию главного предложения (*quando*, *appena che*, *dopo che* – в итальянском; *quando*, *apenas*, *assim que*, *depois que* – в португальском; *cuando*, *arenas*, *en cuanto*, *tan pronto como*, *asu que*, *luego que* – в испанском). Большое сходство обнаруживается в употреблении итальянского Futuro anteriore с португальским Futuro composto. Сравним:

Quando voce chegar, terei terminado todo. – Quando Lei verrà,avró finito tutto. – *Когда Вы придете, я всё закончу.*

В отличие от итальянского и португальского языков, “предшествующее” время в испанском языке используется преимущественно в плане прошлого.

Apenas había andado un centenar de metros, se oyó el estruendo de las explosiones. (*P.M. Merino*)

*Едва я прошел сотню метров, как раздался грохот взрывов.*

В испанском языке изредка встречается предварительное будущее (Antefuturo). Оно означает законченное действие в будущем, предшествующее другому действию, которое тоже произойдет в будущем. Однако в отличие от аналогичных времен итальянского, португальского и французского языков оно никогда не употребляется в придаточных предложениях времени:

Habrá terminado su trabajo para mañana. – *К завтрашнему дню он закончит работу.*

В румынском языке, наряду с литературной формой будущего времени изъявительного наклонения Viitorul întîi, широко также используется разговорная форма, которая образуется с помощью сослагательного наклонения (конъюнктива). Существует две разновидности этой формы. В первом случае будущее время образуется при помощи частицы **o** и глагола, спрягаемого в настоящем времени конъюнктива; а во втором случае вместо частицы **o** используется вспомогательный глагол *avea* (*иметь*). Разница между ними – видовая. Одна из этих форм используется для выражения законченного действия, другая – незаконченного [18]:

O să învăț limba română – *Я изучу румынский язык.*

Am să învăț limba română – *Я буду изучать румынский язык.*

Таким образом, завершенность действия в рассмотренных нами романских языках может быть передана посредством плюсквамперфекта или “предшествующих” времен. Однако основным временем для выражения законченности действия в прошлом служит перфект – в испанском Pretérito absoluto, Pretérito perfecto actual; в португальском – Petérito perfeito simples, Pretérito perfeito composto, в итальянском – Passato remoto, Passato prossimo.

Видовые значения проявляют себя также в испанском потенциале (modo potencial o condicional). Его временные формы –

перфект и имперфект – выражают, соответственно, завершенные и незавершенные действия в прошлом. Их основное различие – видовое.

Таким образом, не располагая категорией вида, романские языки восполняют этот “пробел” наличием развитой системы глагольных времен, дополненной разнообразными грамматизированными конструкциями. Каждый язык находит свои средства и способы для выражения временных и видовых характеристик. Заложённая в классической латыни система глагольных времен, нашла творческое переосмысление и развитие в современных романских языках.

### 3. Особенности употребления предлогов в итальянском языке

Определённую трудность в освоении итальянского языка представляют предлоги. Согласно исследованиям, проведённым в Итальянском университете для иностранцев в Перудже, наибольшее количество ошибок, обнаруженных в письменных работах студентов-иностранцев, связано с употреблением предлогов. Исследования проводились с учетом национальной принадлежности экзаменуемых, в числе которых были и представители славянских народов. Ошибки, допущенные в употреблении предлогов, занимали у славян второе место после артиклей, что составило 175 ошибок из 875, обнаруженных в работах 100 студентов [24].

Проблемы с выбором предлогов обычно возникают при использовании **простых многозначных предлогов** (*preposizioni proprie*), которых в итальянском языке насчитывается восемь. Назовем их: ***di, a, da, in, su, con, per, tra*** (*fra*). Каждый из этих предлогов имеет множество значений. Лидером среди них является предлог ***di*** – 29 значений. Далее идут: ***per*** (25), ***da*** (21), ***a*** (20), ***in*** (18), ***su*** (15), ***con*** (14), ***tra*** (11) [25]. Но не только многозначность является причиной затруднений, возникающих при употреблении этих служебных слов: кроме выполнения своей основной функции некоторые предлоги выступают в качестве своеобразных заменителей падежных окончаний (падежей, как таковых,

в итальянском языке нет). Таким образом, предлог *di* указывает на родительный или предложный падежи (*La casa di Mara – дом Мары. Parliamo di sport – мы говорим о спорте*), предлог *a* – на дательный, *da* или *con* – на творительный.

Определенную сложность представляют и иностранные влияния, в частности французского языка. Как отмечал А. Панцини, в силу исторических обстоятельств в итальянский язык вошли характерные для французского языка обороты с предлогами, при этом сохранились и искони итальянские конструкции. Например, можно сказать: *spaghetti al burro*, либо *spaghetti col burro – спагетти с маслом*. Второе выражение более правильное и соответствует нормам литературного итальянского языка [23].

Другой трудностью корректного употребления предлогов, часто стоящей перед иностранцем, изучающим итальянский язык, является проблема: как употребить предлог – с артиклем или без? Почему, например, во фразах *al bar – в бар*, *al teatro – в театр* артикль нужен, а во фразе *a casa – домой* он не нужен?

И все же более серьезной проблемой является правильный выбор предлога. Здесь столько нюансов и оттенков, что без определенных знаний и систематизации невозможно обойтись. Как, например, перевести русские предлоги *в* или *к* в выражениях типа «я еду в...» или «я еду (иду) к...»? В итальянском языке выбор предлога при целенаправленном движении зависит от объекта, к которому собственно и направлено это движение. Если объектом является лицо, то предпочтение отдается предлогу *da* (*vado da madre, dal medico, da Elena – я еду (иду) к матери, к врачу, к Елене*); если город, учреждение или природный объект, то следует употреблять предлог *a* (*vado a Napoli, al museo, al mare – я еду в Неаполь, в музей, на море*) и т. д. Однако здесь имеется масса исключений, когда, вместо предлога *a*, нужно употреблять предлог *in* без артикля: *andare in montagna, in campagna, in città, in ufficio, in piscina, in sanatorio, in centro, in discoteca, in cucina, in fabbrica – поехать (пойти) в горы, в деревню, в город, в офис, в бассейн, в санаторий, в центр, на дискотеку, на кухню, на фабрику* и т. д. Когда же объектом является страна, то предписывается использование предлога *in* (без артикля, за некоторым исключени-

ем): andare in Italia, in Francia, in Giappone – *поехать в Италию, во Францию, в Японию* (но: negli Stati Uniti – *в Соединенные Штаты*).

Выбор предлога также зависит от глагола. Так, глагол partire – *уезжать* требует употребления предлога *per* (если объектом, к которому направлено движение, является город или страна): partire per Milano, per Londra, per Germania – *уехать в Милан, в Лондон, в Германию*.

На наш взгляд, наибольшей трудностью для лиц, изучающих итальянский язык, является правильный выбор предлога: *a* или *in*? Проблема усугубляется тем, что даже сами итальянцы нередко допускают употребление обоих предлогов, что зависит от региона, местных традиций. Например, фразы Vivo *a* Vercelli; abitiamo *alla* periferia di Milano; Resterò *a* casa tutto il giorno (*Я живу в Верчелли; Мы живем на окраине Милана; Я буду дома весь день*) можно сказать и так: Vivo *in* Vercelli; abitiamo *nella* periferia di Milano; Resterò *in* casa tutto il giorno [23].

Начнем с предлога *in*. Его употребление связано с определенными трудностями. По мнению Т. Алисовой, модели с предлогом *in* «означают отношение к “вмещаемости” места пребывания или места назначения и регулярно включают существительные, обозначающие какое-либо закрытое или открытое помещение (stanza, casa, nido, giardino, cortile) и материальную или социальную среду, способную поглощать предмет (aria, acqua, fiume, società, familia)» [20].

Чаще всего этот предлог сочетается с глаголами andare, venire, tornare, recarsi, salire, scendere, correre, viaggiare, stare, essere, abitare, vivere, lavorare, mangiare, dormire, sedere, restare и др., то есть с глаголами, означающими направление движения, местонахождение или совершение действий в каком-либо месте. Приведем примеры: venire in chiesa, passeggiare in giardino, correre in questura, scendere in cantina, viaggiare in Europa, vivere in famiglia, trasferirsi in Norvegia, stare in prigione, dormire in albergo (*прийти в церковь, гулять в саду, побежать в квестуру, спуститься в погреб, путешествовать по Европе, жить в семье, переехать в Норвегию, находиться в заключении, спать в гостинице*).

Вместе с тем, предлогу **in** отдается предпочтение, когда за ним следуют слова, означающие названия городских и сельских объектов, учреждений, заведений: chiesa, discoteca, questura, banca, città, centro, strada, via, piazza, ospedale, palazzo, biblioteca, galera, negozio и др., а также все слова, оканчивающиеся на суффикс **-ria**: segreteria, periferia, libreria и т. д. В ряде случаев допустимо слияние предлога **in** с артиклем, особенно, если имеется уточнение: nel negozio, nel palazzo, nella classe, nella Russia antica, nell'Alta Italia и т. д. Предлог **in** сочетается с довольно широким кругом существительных, обозначающих предметы самых разнообразных форм и очертаний.

Среди других глаголов, вводящих дополнение через предлог **in**, в качестве примера, можно назвать глаголы confidare, sperare, aiutare, credere, laurearsi, specializzarsi и др.: confidare nelle proprie forze (*полагаться на свои силы*), sperare nell'aiuto (*надеяться на помощь*), credere in Dio (*верить в Бога*), chiamare in aiuto (*позвать на помощь*), specializzarsi in biologia (*специализироваться в биологии*). Как видно из приведенных примеров, предлог **in** часто употребляется без артикля, что можно объяснить лишь сложившимися традициями.

– Già, Paola, in che cosa mi sono laureato?

– In lettere... Poi sei andato a specializzarti in storia del libro antico in Germania (U. Eco. “La misteriosa fiamma della regina Loana”).

– А кстати, Паола, какая у меня была тема диплома?

– Ты защищался по филологии... Потом ты писал диссертацию в Германии по истории антикварных книг.

Предлог **in** также используется при указании на транспортные средства, на которых совершается поездка: andare in treno, in macchina, in tram, in bicicletta (*поехать на поезде, на машине, на трамвае, на велосипеде*). Однако при наличии уточнения предпочтение отдается предлогу **con**: partire con il treno delle dieci – *уехать на поезде, который отходит в десять*; andare con la macchina di Paolo – *поехать на машине Паоло*.

После глагола *entrare* и *uscire* обычно употребляется предлог **in** без артикля: entrare in bottega, in bar, in camera, in casa, in teatro, in parco, in aula (*войти в лавку, в бар, в комнату, в дом, в театр,*

в парк, в аудиторию): uscire in giardino, in cucina (*выйти в сад, в кухню*) и т. д.

– Entrammo in bar (А. Моравиа. “Racconti romani”).

– *Мы вошли в бар.*

– Si usciva tutti nel frutteto (И. Калвино. “La casa in collina”).

– *Все выходили в сад.*

Как считает Т. Алисова, употребление предлога *in* без артикля допустимо в тех случаях, когда речь идет о привычных местах пребывания, единственных для говорящего, с которыми он связан в частной и общественной жизни. Это, прежде всего, город или деревня, где он обычно живет, церковь, где он молится или не молится, магазин или лавка, которые ему принадлежат или регулярно посещаются. Это место его работы, полиция, трактир, библиотека, больница и, наконец, его собственный дом и все обязательные части этого дома и его окружения [20]. В противном случае употребление артикля желательнее.

– Entrarono *nel* locale (А. Барико. “Senza sangue”).

– *Они вошли в кафе.*

В ряде случаев предлог *in*, предшествуя одному и тому же существительному, может употребляться как с артиклем, так и без него: Mi annoio sempre *in* ufficio. *Nell'*ufficio di mio padre c'è una nuova segretaria (*Я всегда скучаю в офисе. В офисе моего отца появилась новая секретарша*). Il nonno ripose tranquillamente *in* giardino. Vado spesso a passeggiare *nel* giardino che è vicino a casa nostra (*Дед спокойно отдыхает в саду. Я часто хожу гулять в сад, который находится рядом с нашим домом*). Как видно из примеров, употребление артикля вызвано наличием уточнения: не просто какой-то офис или сад, а конкретный: *офис отца, сад, который находится вблизи дома*.

Предлог *in* без артикля используется также при указании на времена года, месяц периоды жизни человека (на вопрос «когда?»): *in* autunno, *in* estate, *in* aprile, *in* gioventù (*осенью, летом, в апреле, в молодости*). При наличии уточнения употребляется предлог с артиклем: *nel* secolo diciannovesimo, *nell'*anno scorso, *nel* 2001, *nel* mese del maggio, *nel* tempo libero (*в девятнадцатом веке, в прошлом году, в 2001 году, в месяце мае, в свободное время*).



– Il Cuniberti cominciò a farsi vedere al Caffè Principale nell'autunno del 1945 (P. Chiara. “Il capostazione di Casalino”)

– *Куниберти стал появляться в кафе «Принципале» осенью 1945 года.*

Перед названиями месяцев возможно также употребление предлога *a*: a febbraio, a settembre – *в феврале, в сентябре.*

И еще один случай употребления предлога *in* без артикля – он используется при указании на материал, из которого изготовлен предмет: statua *in* marmo – *мраморная статуя (статуя из мрамора).* В данном примере употребление предлога *in* оправдано тем, что статуя действительно высекается из мрамора. В то же время, по мнению авторитетного итальянского филолога Б. Мильорини, следует избегать конструкций типа letto *in* ferro, tubo *in* ottone (*железная кровать, латунная труба*), а нужно говорить letto *di* ferro, tubo *di* ottone [21].

Вместе с тем, в итальянском языке существует много наречных и предложных выражений, содержащих предлог *in*. Приведем некоторые из них:

Итальянский	Русский	Итальянский	Русский
In ritardo	С опозданием	In fretta	Поспешно
In anticipo	Заранее	In merito a	В честь
In genere	Вообще	In occasione di	По случаю
In media	В среднем	In ogni modo	В любом случае
In breve	Вкратце	In caso di	В случае, если
In onore	В честь	In quanto a	Что касается
In un fiato	Залпом	In nome di	От лица

Предлог *in* также используется в многочисленных идиоматических выражениях:

Итальянский	Русский	Итальянский	Русский
Prendere <i>in</i> giro	Поднять на смех	Ficcarsi <i>in</i> testa	Вбить себе в голову
Farsi <i>in</i> quattro	Разорваться на части	Ridurre <i>in</i> cenere	Обратить в прах
<i>In</i> pochi colpi	Быстро, в два счета	<i>In</i> gamba	Отличный, отменный
Andare <i>in</i> fumo	Пустить в дым	Dare <i>in</i> pianto	Удариться в плач

Перейдем теперь к предлогу *a*. Чаще всего он обозначает направление движения, местонахождение, а также цель действия, предназначение, временные отношения и т. д. Некоторые из случаев его применения хорошо иллюстрирует фрагмент из рассказа П. Кьяры «Начальник станции Казалино»:

– *Al pomeriggio, dopo aver pranzato in qualche trattoria, la signora veniva a prendere un caffè, telefonava a un medico, andava comprensibilmente alla toilette e verso le diciassette prendeva il treno per tornare al suo paese e preparare le pappe che avrebbe portato l'indomani al marito* (P. Chiara. “Il capostazione di Casalino”).

– *В полдень, пообедав в каком-нибудь ресторанчике, синьора шла выпить кофе, звонила врачу, естественно, посещала туалет и около пяти садилась на поезд, чтобы добраться до своего городка и приготовить каши, которые она на следующий день отвозила мужу.*

Предлог *a* в своей первичной функции близок предлогу *in*, так как «означает динамическое локальное отношение, направленное на какой-либо предмет, взятый в целом, как определенная точка в пространстве» [20]. Если предлог *in* скорее нейтрален, поскольку он не отмечает различия между движением и пребыванием, то предлог *a* более конкретен. Так, в определенных ситуациях после глаголов движения вместо предлога *a* возможно использование предлога *in*, что допустимо лишь в том случае, если подчеркивается непосредственный контакт с пунктом, к которому направлено движение. Сравним два предложения: “*Gli uccellini ora vanno al nido*” (*Птенцы сейчас летят в гнездо*) и “*E quella gallina era già tornato nel nido*” (*А та курочка уже вернулась в гнездо*). Как видно, в первом случае предлог *a* указывал на направление движения; во втором же случае предлог *in* указывал и на движение, и на местонахождение.

Подобно *in*, предлог *a* нередко употребляется без артикля. Здесь следует выделить два существительных – *casa* (*дом*) и *terra* (*земля*), которые в сочетании с обоими предлогами не требуют артикля и указывают на конкретное пространственное понятие, имеющее связь с субъектом. С этими словами можно использовать оба предлога, хотя предлог *a* чаще соотносится с глаголами

движения, а *in* – с глаголами пребывания. При сочетании предлога *in* с глаголами движения акцентируется идея проникновения внутрь какого-либо объекта: *sono andato in casa mia – я пошел к себе домой (в свой дом)*. Подобная картина наблюдается и во фразах с глаголом *terra*. Но здесь есть одна особенность – при одном и том же глаголе выбор предлога определяет степень контакта с объектом (землей): *cadere a terra – стоя на земле, упасть*; *cadere in terra – упасть с высоты*; *cadere per terra – упасть, сильно ударившись о землю*.

– *Quel vecchio ha il cuoio duro; se non batte il naso per terra come i gatti, non muore* (С. Verga. “I Malavoglia”)

– *Старик он крепкий; если не ударится о землю носом, как кошка, он не умрет.*

Как уже отмечалось, употребление обоих предлогов возможно и после глагола *restare* (*оставаться*).

Одной из важных функций предлога *a* является выражение связей дательного падежа (на вопрос: *кому?*), при этом, в отличие от русского языка, направление действия может быть не только от субъекта к объекту, и обратное – от объекта к субъекту: *prendere a qd* (*брать у кого-либо*); *sfuggire a qc* (*qd*) (*избежать чего-либо, убежать от кого-либо*) [3].

Как и *in*, предлог *a* входит в наречные обороты – образа действия и времени: *a piedi* (*пешиком*), *a malavoglia* (*неохотно*), *a cavallo* (*верхом*), *al contrario* – *напротив*, *a tempo* (*вовремя*), *a mezzogiorno* (*в полдень*), *alle tre* (*в три часа*) и др. Он также встречается в различных фразеологических выражениях:

Итальянский	Русский	Итальянский	Русский
Stare a galla	Держаться на плаву	Essere al verde	Сидеть на мели
Sapere a memoria	Знать наизусть	Avere a grado	Принимать охотно

Предлог *a* можно встретить и в образованных из нескольких слов предложных выражениях, выступающих в роли предлога: *in riguardo a* – *что касается, по сравнению*, *davanti a* – *перед*, *accanto a* – *рядом, около*, *di fronte a* – *напротив*, *intorno a* – *вокруг*, *conforme a* – *сообразно*, *fino a* – *до* и др.

Кроме того, предлог *a*, впрочем, как и другие простые предлоги, употребляется в сочетании с относительными местоимениями *cui*, *quale*, *chi*: *a cui* (alla quale) – *к которому*, *in cui* (nella quale) – *в котором*; *a chi* – *тому кто*, *di chi* – *о том кто* и т. *Non conosco il signor a cui* (al quale) *hai dato i soldi* – *я не знаю синьора, которому ты дал деньги*.

– *Quella volta giocò fino a tardi. Poi si trovò con poker di fanti in mano, di fronte a un piatto in cui c'erano più soldi di quanti lui ne vedesse in un anno* (A. Baricco. “Senza sangue”).

– *In тот раз он играл до самой ночи. Покер червей в руках, а на столе – блюдо, и там лежало больше денег, чем он видел за целый год*.

В заключение приведем рекомендации А. Панцини по употреблению некоторых предлогов. Фразы, взятые в скобки, более корректны: *uova al tegame* (nel tegame) – *яичница-глазунья*; *cioccolata al latte* (con il latte) – *молочный шоколад*; *cappone allo spiedo* (su lo spiedo) – *капун на вертеле*; *un tale a nome Giovanni* (di nome) – *некто, по имени Джованни*; *ritratto a carboncino* (col carboncino) – *портрет углем*; *lavoro all'uncinetto* (con l'uncinetto) – *связанный крючком* [23].

Хотя предлоги и являются служебной частью речи, их роль в итальянском языке чрезвычайно важна. Они используются для выражения разнообразных отношений между полнозначными словами в предложении – пространственных, временных, причинных, целевых и т. д. Входя в состав различных конструкций и выражений, предлоги являются специфическим и характерным элементом итальянской речи, придают ей особую выразительность и колорит.

## Цитируемые источники

1. <http://www.languages-study.com/espanol-academic.html> – История и лингвистические особенности испанского языка
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki> – Сравнительный анализ испанского и португальского языков
3. *Бонфанте Дж.* Романизированное население Италии и германцы // Современное итальянское языкознание. М., 1971.
4. *Gori Alessandro.* Gli arabismi nell'italiano. См.: [http://www.cultura.toscana.it/intercultura/studi\\_materiali/orienti/arabismi.shtml](http://www.cultura.toscana.it/intercultura/studi_materiali/orienti/arabismi.shtml)
5. *Вольф Е.М.* История португальского языка. М., 1988.
6. *Степанов Г.В.* Испанский язык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
7. <http://www.elcastellano.org> – Этимологический словарь испанского языка.
8. *Левинтова Э.И., Вольф, Е.М.* Испанский язык. М., 1964.
9. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю М.: Соцэкономиздат, 1937.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990.
11. *Никонов Б.* Грамматика португальского языка. М.: Высшая школа, 1981.
12. *Попова Н.И.* Грамматика испанского языка. М.: ЧеРо, 2008.
13. *Попова И.Н., Казакова Ж.А.* Грамматика французского языка. М.: Нестор Академик, 2008.
14. *Евсюков П.Н.* Самоучитель португальского языка. М.: Международные отношения, 1972.
15. *Родионова М.А., Петрова Г.В.* Португальский язык. Минск: Полесье, 2000.
16. *Левинтова Э.И., Вольф Е.М.* Испанский язык. М., 1964.
17. *Абраменко Г.А.* Итальянский язык. Трудности перевода. М.: Восток-Запад, 2009.
18. *Заюнчковский Ю.П., Николеску Т., Репина Т.А.* Учебник румынского языка. М.: Высшая школа, 1982.
19. *Squartini Mario.* Verbal periphrases in Romance: aspect, actionality, and grammaticalization. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998.

20. *Алисова Т.Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
21. *Мильборини Б.* Итальянская грамматика. СПб., 2004.
22. *Петрова Л.А.* Практическая грамматика итальянского языка. М., 1997.
23. *Gabrielli Aldo.* Il piacere dell'Italiano. Milano: Mondadori Editore, 1997.
24. *Katerinov K., Katerinov M.* La lingua italiana per stranieri. Perugia: Edizioni Guerra, 1985.
25. *Kovalev V.* Dizionario russo italiano, italiano russo. Bologna: Zanichelli, 1995.
26. *Moretti M., Consonni D.* Nuova grammatica italiana. Torino: Società editrice internazionale, 1967

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Богородицкий В.А.* Введение в изучение романских и германских языков. М., 1959.
2. *Будагов Р.А.* Сходство и несходство между романскими языками. М., 1985.
3. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999.
4. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. М., 1979.
5. *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958.
6. *Зорько А.С.* Сравнительные исследования заимствований в родственных языках (французско-итальянские контакты). М., 1972.
7. *Ильина О.В.* Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций. Новосибирск, 1998.
8. *Казанский Б.В.* В мире слов. Л., 1958.
9. *Колосова Н.А.* Французский язык в идейно-стилевой системе пушкинских произведений. Саратов, 1984.
10. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
11. *Линник Т.Г.* Проблемы языкового заимствования. Киев, 1989.
12. *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.
13. *Степанов Г.В.* Грамматика и семантика романских языков. М., 1978.
14. *Ушаков М.С.* Латинизмы в русском языке. Свердловск, 1977.

### Словари, энциклопедии

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1970.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
3. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. М., издания 1954 и 1988 гг.
4. *Булыко А.Н.* Большой словарь иностранных слов. М.: Мартин, 2006.
5. Большой словарь иностранных слов / сост. Ю.А. Москвин. М., 2006.

6. Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл ред. Ю.В. Келдыш. М.: СЭ, 1973–1982.
7. *Феерштейн Е.Н., Старец С.М.* Большой португальско-русский словарь. 6-е изд., испр. М., 2010.
8. Большой испанско-русский словарь / под ред. Б.П. Нарумова. 4-е изд. М., 2001.
9. *Зорько Г.Ф., Майзель Б.Н., Скворцова Н.А.* Новый итальянско-русский словарь. М., 1995.
10. Большой французско-русский и русско-французский словарь / сост. И.Р. Григорян, М.П. Петрович. М., 2011.
11. *Dobrovolskaja Julia.* Dizionario russo-italiano. In due volumi. Milano: Editore Ulrico Hoepli, 1997.



## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Глава I. РОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ</b> .....	3
1. Лингвокультурологический аспект .....	3
1.1. Французский язык .....	6
1.2. Итальянский язык .....	27
1.3. Испанский язык .....	42
1.4. Португальский язык .....	50
1.5. Румынский, провансальский и каталанский языки ...	54
<b>Глава II. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ И МОРФОЛОГИИ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ</b> .....	65
1. Итальянская, испанская, португальская лексика: сходство и различие .....	65
2. Формы выражения вида и времени в романских языках .....	77
2.1. Формы выражения вида .....	77
2.2. Временные отношения .....	87
3. Особенности употребления предлогов в итальянском языке .....	92
<b>Литература</b> .....	103

Научное издание

*Андрей Георгиевич Кузнецов*

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ:  
ЛЕКСИКА, МОРФОЛОГИЯ,  
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Редактор *Н.В. Шумкина*  
Компьютерная верстка *А.С. Шелестовой*

Подписано к печати 4.06.2013.  
Формат 60×84  $\frac{1}{16}$ . Печать офсетная.  
Объем 6,75 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 7.

Издательство КРСУ  
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ  
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2